

B 2/205

О ГЛАВНѢЙШИХЪ ТРУДАХЪ

ПО ЧАСТИ КРИТИЧЕСКОЙ РУССКОЙ ИСТОРІИ.

РАЗСУЖДЕНІЕ,

НАПИСАННОЕ ДЛЯ ПОЛУЧЕНІЯ СТЕПЕНИ МАГИСТРА ФИЛОСОФІИ,

исправляющимъ должность Профессора Исторіи и Статистики въ Ярославскомъ Демидовскомъ Лицеѣ,

Кандидатомъ

Алексѣемъ Ѳедотовымъ.

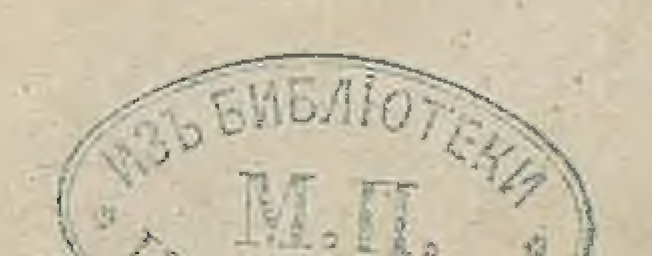

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи.

1839.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

по опредѣленію Совѣта ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Университета. Москва. Мая 18 го дня 1839 года.

Секретарь Совѣта М. Назимовъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Не о ходѣ Критической Русской Исторіи вообще хотѣлъ писать я, а желалъ разобрать только *важнѣйшіе* труды по части *Критической* Русской Исторіи, дабы показать: на какой точкѣ, въ этомъ отношеніи, теперь стоимъ мы, какіе вопросы рѣшены окончательно, какіе рѣшить стараются и какіе могутъ еще возникнуть, какъ задачи для будущихъ изслѣдованій, т. е., мнѣ хотѣлось показать и прошедшее, и настоящее и (нѣкоторымъ образомъ) будущее направленіе Русской Исторической Критики. Это главная, единственная цѣль моего Разсужденія. Знаю, что оно далеко не достигаетъ предположенной мною цѣли и что условія времени и мѣста не оправдаютъ меня въ недостаткахъ (*), которыхъ можетъ быть много найдутъ у меня; по крайней мѣрѣ, смѣю сказать, что я воспользовался *всѣмъ*, чѣмъ могъ,

(*) Хотя въ подобныхъ работахъ условія времени и мѣста чрезвычайно важны, какъ извѣстно занимающимся.

и сдѣлалъ *все*, что̀ могъ сдѣлать. Дополненія и поправки предоставляю будущему времени, и непремѣнно сдержу слово, если только мѣстные матеріялы пріумножатся: безъ того, разумѣется, нечего и обманывать себя надеждою. — Еще нѣсколько словъ.

Говоря о систематическихъ трудахъ по части Русской Исторіи, я имѣлъ достаточную причину особенное вниманіе обратить на *Исторію Государства Россійскаго* Карамзина: она, какъ твореніе по истинѣ геніальное, навсегда останется достопамятною книгою для Русскихъ, какъ бы далеко ни ушли они впередъ отъ Карамзина въ своихъ понятіяхъ о Дѣеписаніи. О систематическихъ Исторіяхъ другихъ дѣйствующихъ писателей не мнѣ говорить приличествуетъ. . . . Наконецъ:

Господа отцы и братья!
Чтите, исправливая, Бога дѣля.»

А. Ѳ.

Die Bahn ist gebrochen. Man kennet die Hülfsmittel und Beschwerlichkeiten aus der Erfahrung: so ist an einem erwünschten Ausgang der Sache nicht zu zweifeln.

G. F. Müller.

Съ паденіемъ западной Римской Имперіи открывается рядъ вѣковъ, кои не безъ основанія называются вѣками варварства и мрака. Въ послѣднія времена Римской Имперіи признаки общаго тлѣнія жизни раскрылись во всемъ государственномъ составѣ: въ царствѣ умственномъ — безчисленные расколы философовъ; въ быту гражданскомъ — безпрестанные раздоры, подрывавшіе основанія общественнаго порядка. Къ разрушительнымъ бѣдствіямъ внутреннимъ прибавились внѣшнія: орды сѣверныхъ дикарей, изъ дремучихъ лѣсовъ своихъ, подобно хищнымъ птицамъ, жадно разлетѣлись по Имперіи, неистово ругаясь останками просвѣщенія, которые всюду имъ представлялись. Смертная битва началась между варварствомъ и образованностію, — и ничто, конечно, не уцѣлѣло бы отъ разрушительныхъ ударовъ невѣжества, если бы Вѣра Христіанская не явила и здѣсь благодатнаго своего дѣйствія. Эта вѣра, заключающая въ себѣ неистощимое начало жизни, уже давно была распространена по всему безмѣрному пространству Римской Имперіи. Сѣверные народы, или такъ называемые варвары, при всей необузданности стра-

стей, рѣшительно противоположныхъ Христіанству, скоро однакожъ поражены были божественными истинами Благовѣстія. Борьба постепенно затихала, и дѣятельность новыхъ жителей Европы отъ грабежей и кровопролитія, мало по малу, обращалась къ ученію книжному. Не смотря на враждующія обстоятельства, внутреннія и внѣшнія, въ какихъ находились новыя Государства, умъ Европейскаго человѣка, и по внутреннему стремленію къ дѣятельности, и въ слѣдствіе новыхъ потребностей жизни, естественно останавливался на остаткахъ древняго просвѣщенія, которое, какъ бы воплощенное, на каждомъ шагу ему представлялось. Такимъ образомъ, въ Западной Европѣ, которую раздѣлили между собою варвары вмѣстѣ съ языкомъ Латинскимъ, постепенно утверждалось знакомство съ писателями классическими; вмѣстѣ съ Религіею, всюду проникала письменность; умъ укрѣплялся, и познанія, по крайней мѣрѣ для духовенства, сдѣлались потребностію. По самому ходу вещей, умъ обращенъ былъ преимущественно къ изученію Св. Писанія; другими науками не занимались; Исторію составляли однѣ лѣтописи. — Настала новая эпоха. Промышленность, успѣхи образованія гражданскаго, рыцарство, крестовые походы пробудили дѣятельность умовъ; сняли грубую кору съ новыхъ обладателей Европы, въ душахъ которыхъ возникли благороднѣйшіе помыслы и желанія. Въ *Парижѣ*, *Болоніи*, *Салерно*, *Флоренціи* и другихъ городахъ Юго-западной Европы основаны были *Университеты*; умъ возносился до высшихъ задачь человѣческаго вѣдѣнія; Философія, Богословіе, Римское и Каноническое Право сдѣлались предметами дѣятельнаго изученія. Но Исторіи, какъ науки, еще не было; никто и не подозрѣвалъ даже, что она, какъ духъ

животворящій, должна проникать во всѣ отрасли вѣдѣнія и дерзновенному уму открывать непрочность произвольныхъ его теорій. Какъ прежде, были только лѣтописатели, большею частію монахи, которые въ тишинѣ своихъ обителей, не желая хвалы, не боясь порицанія и, можетъ быть, не думая о потомствѣ, записывали славныя и безславныя дѣла своихъ современниковъ. Сіи добрые труженики имѣли свой взглядъ на вещи; по своему объясняли перевороты политическіе, тщательно замѣчали явленіе кометъ, солнечныя и лунныя затмѣнія; на бѣды государственныя смотрѣли какъ на плоды злаго наважденія; все благое приписывали волѣ Божіей, а не слабымъ силамъ человѣческимъ; — короче, личный характеръ этихъ лѣтописателей, столь ясно выражающійся въ ихъ хроникахъ, выражаетъ въ тоже время и общій характеръ вѣка, къ которому они принадлежали. Въ этой простотѣ мысли, въ этой безъискуственности, съ какой они говорятъ и о событіяхъ, и о собственныхъ думахъ и впечатлѣніяхъ, состоитъ главное ихъ достоинство; второе, не менѣе важное достоинство — полнота въ извѣстіяхъ: почти всѣ они пишутъ или какъ современники, или какъ очевидцы и участники въ происшествіяхъ. Не говоря о Византіи и Азіатскомъ Востокѣ, одна Западная Европа, въ періодъ крестовыхъ походовъ, представляетъ уже множество лѣтописателей, которые вполнѣ умѣли воспользоваться историческими матеріалами своего времени, и сохранили для потомства память о важнѣйшихъ явленіяхъ средняго вѣка (*). — Съ XV, тѣмъ болѣе съ XVI ст., при

(*) См. Герена Essai sur l'influence des Croiscedes. p. 437 и слѣд.

новыхъ способахъ образованія, быстро распространяющіеся и область вѣдѣнія; ученые — «эта мыслящая, по преимуществу, часть рода человѣческаго, это государтсво безъ земли« — долго составлявшіе особый міръ чародѣевъ (по понятіямъ современниковъ) сближаются съ жизнію общественною какъ мудрецы и наставники, которые въ твореніяхъ Божіихъ день и ночь поучаются. Тогда, въ эту торжественную для науки эпоху, и Исторія заняла почетное мѣсто, достойно и праведно ей принадлежащее. Вмѣстѣ съ тѣмъ, мало по малу возникла историческая критика и установлялись ея правила.

Обработываніе Исторіи, болѣе или менѣе соотвѣтствующее требованіямъ науки, естественно должно было начаться въ Италіи. Такъ дѣйствительно и было. *Макіавель*, *Гвичардини*, *Бембо*, *Павелъ Іовій* и другіе Итальянскіе историки XVI вѣка являются уже не простыми подражателями, но достойными совмѣстниками древнихъ: не формы, рабски вылитыя по образцамъ классическимъ, но духъ вѣка и народа, выраженный въ дѣйствіяхъ, — и борьба страстей, обрисованная живымъ языкомъ, поучаютъ читателя. — Государства Пиринейскаго полуострова не отставали отъ другихъ на поприщѣ дѣеписанія. Въ Португалліи, въ концѣ XVI вѣка, по приговору Государственныхъ чиновъ, на *Бернгарда де Брито* была возложена должность Исторіографа, и частные историческіе труды слились въ одну общую Исторію. Продолжатели его „Монархіи Португальской" также въ качествѣ Исторіографовъ, трудились ревностно, такъ что въ теченіе вѣка (отъ 1596-1683) явилось семь огромныхъ томовъ Исторіи этого Государства. — Наконецъ «Лис-

сабонская Академія Португальской исторіи», учрежденная въ 1720 г. Іоанномъ V., дѣятельно возобновила разработку матеріяловъ; подвергла ихъ необходимой очисткѣ критической и на отечественное бытописаніе разлила новый свѣтъ.

Съ тою же ревностію обработывали ученые Испанскую исторію. Въ концѣ XVI и въ первой половинѣ XVII вѣка появились отдѣльныя исторіи Галиціи, Валенціи, Андалузіи, Севиллы и другихъ провинцій. Лѣтописи, особенно съ царствованія Карла 1 (V), большею частію, приведены въ извѣстность; архивы, въ которыхъ доселѣ хранились историческія сокровища, ни кѣмъ еще не тронутыя, разобраны; матеріяловъ, для построенія цѣлаго, накопилось столько, что *Маріана* смѣло могъ приступить къ сочиненію общей Испанской исторіи. Трудъ сего ученаго возбудилъ благородное соревнованіе во многихъ. Изъ нихъ, по большинству голосовъ первое мѣсто занимаетъ *Феррерасъ*, Библіотекарь Филиппа V го. Дальнѣйшимъ своимъ усовершенствованіемъ Испанская исторія, безъ сомнѣнія, много обязана „Королевской Академіи», основанной въ 1738 году, вмѣстѣ съ которою, на томъ же поприщѣ, трудится и другая Академія, основанная въ Валладолидѣ въ 1753 году. — Не трудно понять теперь, какъ много сдѣлано въ пользу исторической науки во Франціи, Англіи, Германіи — въ этихъ трехъ Державахъ, которыя въ ученомъ мірѣ по праву называются первокласными. Здѣсь-то Исторія, обработанная по строгимъ правиламъ критики, возведенная до высшей степени прагматизма, проникнутая духомъ философіи, превратилась въ ясный отвѣтъ на важнѣйшіе вопросы о жизни народовъ. Почитая излишнимъ распространяться о предметѣ, всякому извѣст-

номъ (болѣе или менѣе), мы переходимъ къ Россіи. Посмотримъ какъ у насъ шла историческая наука? Что сдѣлано и что еще сдѣлать остается?

Жизнь Россіи, этаго исполина между государствами, развилась отлично, отъ прочихъ государствъ Европейскихъ. Дѣйствительно ни одно изъ обстоятельствъ, которыми сопровождалась жизнь новыхъ государствъ въ Европѣ, не простиралось на Россію, и когда наука болѣе и болѣе проникала даже въ средній классъ общества, въ то время наше умственное образованіе ограничивалось самыми тѣсными предѣлами: оно слагалось изъ скудныхъ свѣдѣній иноковъ, которые въ простотѣ сердца, ради спасенія души, записывали страданія несчастной земли Русской. Справедливо, что на пути образованія вообще, мы, Русскіе, отставали отъ прочихъ: жившіи на отдаленномъ Сѣверѣ, отличаясь отъ народовъ Юго-Западной Европы и происхожденіемъ и языкомъ, мы не были и не могли быть наслѣдниками тѣхъ сокровищъ, кои Римляне завѣщали остальной Европѣ въ гражданскихъ учрежденіяхъ, законахъ, памятникахъ Искусства. На насъ дѣйствовала, покрайней мѣрѣ до XV ст. и дѣйствовала почти исключительно, одна Византія, сообщившая намъ истины Благовѣстія и первыя начала гражданственности. Не ранѣе X вѣка, только вмѣстѣ съ Христіанствомъ, у насъ могли явиться писменность и люди грамотные; но умъ Русскій, искони самостоятельный, постоянно себѣ вѣрный, скоро понялъ необходимость образованія, и Монархи наши первые приготовили для ума эту духовную трапезу. Уже Владиміръ — какъ выражались наши праотцы — *нача поимати у нарочитыя люди дѣти и даяти на ученіе книжное;* сынъ его, мудрый Ярославъ, *собра пи-*

сцы многи, переводя отъ Греческихъ книгъ на Славенское писаніе; сынъ Ярослава, Святославъ, по словамъ современника, *клѣти исполнь книгами*; наконецъ въ томъ же столѣтіи, въ темныхъ пещерахъ Кіевскихъ, явился замѣчательный для насъ ученикъ Византіи — Преподобный *Несторъ*. Въ простой, безъискуственной повѣсти, на языкѣ отечественномъ, слѣдовательно для всѣхъ понятномъ, онъ разсказываетъ намъ, *откуда пошла Руськая земля, и кто въ ней перво поча Княжити*; передаетъ намъ имена первыхъ насадителей вѣры и образованія въ нашемъ отечествѣ, — имена строителей царства и нашего благоденствія. И какой изъ Европейскихъ народовъ *одиннадцатаго* столѣтія можетъ похвалиться своимъ Несторомъ? Утверждаю, вслѣдъ за Шлецеромъ, что ни кто, кромѣ нашего Бытописателя, не оставилъ столь драгоцѣнныхъ извѣстій о Русскомъ Сѣверѣ вообще и о нѣкоторыхъ земляхъ сопредѣльныхъ; ни *Дитмаръ*, ни *Адамъ Бременскій* (современникъ Преподобнаго), ни *Генрихъ Латышъ* не оказали столько услугъ потомству въ отношеніи исторіи «верхняго« Сѣвера Европы, сколько оказалъ благочестивый отшельникъ Кіево-печерскій. *Несторъ* по суду Шлецера есть *первый*, *древнѣйшій*, *единственный*, по крайней мѣрѣ *главный* источникъ для всей Славянской, Леттской и Скандинавской Исторіи. Какое важное лицо Несторъ! - (*) Имена продолжателей Преподобнаго, большею частію, не из-

---

(*) И тотъ оказалъ бы важную услугу нашей исторіи, кто отдѣлилъ бы въ лѣтописи Несторовой извѣстія домашнія отъ иноземныхъ, съ указаніемъ настоящихъ источниковъ. Начало положено; будетъ, надѣемся, и конецъ.

вѣстны, но благочестивыя размышленія, особенное вниманіе къ дѣламъ церковнымъ, господствующій образъ мыслей, самый языкъ, близкій къ библейскому — доказываютъ, что наши безъименные лѣтописатели всѣ были особы духовныя — обстоятельство, едвали благопріятное для цѣли Бытописанія. Отказавшись отъ свѣта, наши историки - монахи не углублялись въ тайныя причины событій, и въ междоусобіяхъ родовъ Княжескихъ, въ буйствѣ народа, въ бѣдахъ внутреннихъ и внѣшнихъ видѣли только явные слѣды гнѣва Божія—не болѣе. Разсказывая о внезапныхъ набѣгахъ Половецкихъ, о непелищѣ селъ и городовъ разрушенныхъ и сожженныхъ погаными, лѣтописатель непремѣнно заключитъ свой разсказъ такъ или подобнымъ образомъ. „Се бо паче пнѣхъ казними есмы за грѣхи многи, якоже и азъ грѣшный много и часто Бога прогнѣваю» (Кенигсб. сп. 138); говоря, что тогда-то налетѣла саранча (прузи) на Русскую землю и „*поѣла всяку траву и многа жита,»* благочестивый инокъ какъ бы невольно прибавитъ :„ и не бѣ сего слышано въ дни первыя въ земли Руськой, яже видѣста очи наши за грѣхи наша» (Соф. Вр. I, 176). Вотъ почему разновременныя наши лѣтописи составляютъ какъ-бы одну только непрерывную хронику, которая, въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій не потерпѣла значительныхъ измѣненій ни въ слогѣ, ни въ сужденіяхъ сочинителей; вотъ почему, читая и перечитывая записки благочестивыхъ нашихъ отшельниковъ о непрестанныхъ войнахъ внутреннихъ и внѣшнихъ, о случаяхъ церковныхъ, о небесныхъ знаменіяхъ, и пр. мы рѣдко понимаемъ тайную связь событій; не замѣчаемъ разнообразной игры страстей лицъ дѣйствующихъ; съ тру-

домъ, по самымъ темнымъ примѣтамъ, угадываемъ духъ времени, степень народной образованности. Но съ другой стороны нельзя не замѣтить, что наши бытописатели, незнакомые съ краснорѣчіемъ Ѳукидида, не углублявшіеся въ изслѣдованіе причинъ политическихъ, занимавшіеся трудомъ безъ всякаго внѣшняго побужденія, *любве ради Господа Бога и своего отечества Русскія земли* — что наши бытописатели были въ высшей степени добросовѣстны: они не имѣли никакого повода ни увеличивать, ни уменьшать предметы; подобно всѣмъ своимъ собратіямъ, могли ошибаться, вносить въ свои дневники небылицы, но безъ умысла, отъ чистаго сердца, платя только дань вѣку.

Шлецеръ, такъ пламенно полюбившій нашу Русь и наши лѣтописи, торжественно объявилъ всему ученому міру, что не многіе изъ Европейскихъ народовъ имѣютъ подобное богатство, какимъ обладаетъ Россія въ своихъ хроникахъ, то есть, трудно найти историка, который былъ бы откровеннѣе, прямодушнѣе Русскаго лѣтописателя. Какъ-бы то ни было, но мы по убѣжденію сказать можемъ, что на поприщѣ Бытописанія предки наши столь же ревностно трудились, какъ и народы Юго-Западной Европы. Не имѣемъ мы драгоцѣнныхъ записокъ, подобныхъ запискамъ Фруассара, Сюлли, Реца и многихъ другихъ новѣйшихъ; сознаемся даже, что историческіе труды *Курбскаго*, *Авраамія Палицына*, Патр. *Филарета*, драгоцѣнные для насъ, Русскихъ, не выдержать съ ними сравненія; но ни кто разумѣющій не обличитъ насъ, что исторія наша не имѣетъ *связи* и *полноты*; ни какой народъ не можетъ похвалиться, что владѣетъ такимъ лѣтописнымъ сокровищемъ, какое завѣщалъ намъ

Несторъ и его продолжатели, въ теченіе *семи сотъ* лѣтъ преемственно дополнявшіе его «Повѣсть временныхъ лѣтъ». Шлецеръ, которому здѣсь должно вѣрить, такъ выражается по этому случаю: Пусть сравнятъ безпристрастно Русское *богатство* съ *бѣдностію* всей остальной верхне-сѣверной Исторіи; Несторову *древность* съ *молодостію* Скандинавовъ, прочихъ Славянъ и Венгровъ; *полноту* и *связь* Русской Исторіи съ *отрывками* другихъ; ея *правдивость* и *важность* съ *легкомысленными выдумками* первыхъ Скандинавскихъ, Славянскихъ и Венгерскихъ временниковъ и всѣми ихъ продолженіями до XVI столѣтія (*).

Видѣли, что въ XV, тѣмъ болѣе въ XVI столѣтіи Исторія дѣлается предметомъ вниманія и заботъ для самыхъ правительствъ Юго-Западной Европы. Частныя лѣтописи въ это время постепенно сливаются тамъ въ одну общую систематическую Исторію государствъ; у насъ — кромѣ незначительнаго опыта составителя *Степенныхъ книгъ* — ничего подобнаго не было и не могло быть: Русскіе XVI вѣка, руководимые не примѣрами, а единственно умомъ естественнымъ, и только что привыкавшіе къ чтенію *печатныхъ* книгъ Славянскихъ, не могли вознестись до понятія о прагматизмѣ въ Исторіи; крѣпко стояли за жизнь Царя и Царства, но государственной своей жизни не подводили подъ законы общей жизни человѣчества; еще не настало время думать о наукѣ: надлежало скрѣпить части, изъ коихъ сложилась Московская Держава при Іоаннѣ III; надлежало бороться съ Казанью, Литвою,

---

(*) См. Введ. къ *Шлец. Нест.* Ср. Милл. *Samml. Russ. Gesch.* V, 6.

Польшею и быть осторожнымъ со стороны Крыма. Слѣдовательно, въ это время мы не занимались *Исторіею*, какъ наукою; о потребности Историческої *Критики* никому и на умъ не приходило....

И такъ первоначальною формою нашей Исторіи была лѣтопись. Этотъ періодъ лѣтописей (куда относимъ и такъ называемые сборники) прекращается около того времени, когда быстро исчезли формы древняго Русскаго міра, и быстро закипѣла новая жизнь въ народѣ, который Великимъ Петромъ былъ вызванъ на новое поле дѣланія. Слава, озарившая побѣдителя при Полтавѣ, отбросила лучъ свой и на все, называвшееся Русскимъ, слѣдовательно и на Исторію всего вновь возникающаго Государства« (*Шлец.* 1, раз.). Самъ Великій первый почувствовалъ необходимость Исторіи для народа, имъ же пересозданнаго, и Указъ 1722 года о собраніи всѣхъ древнихъ лѣтописцевъ и хронографовъ былъ первымъ глаголомъ Царя къ народу о важности самопознанія. Такимъ образомъ матеріалы для нашей Исторіи постепенно приводились въ извѣстность, и для критической обработки поступили въ Академію Наукъ, при которой былъ особый классъ и для Исторіи.

Здѣсь нельзя не упомянуть о разнорѣчіи касательно достовѣрности нашихъ лѣтописей. Вотъ общій результатъ изслѣдованій г. Погодина: »Древняя Русская Исторія достовѣрна; начало Русскихъ лѣтописей достовѣрно; Русскія лѣтописи начинаются съ XI столѣтія; Нестора должно почитать первымъ лѣтописателемъ; лѣтопись его дошла до насъ *въ томъ видѣ, какой данъ ей былъ сначала*, кромѣ словъ; прежде Нестора непремѣнно были какія нибудь краткія записки.«

Нѣтъ сомнѣнія, что Несторъ пользовался источниками Болгарскими и Греческими. *Шлецеръ* очень основательно видѣлъ въ нашей лѣтописи Византійскій источникъ, замѣтивъ, что весь временникъ Несторовъ сдѣланъ на покрой Византійскій; Баронъ *Розенкампфъ* потдвердилъ это (*); даже отысканъ и самый источникъ въ древнемъ Славянскомъ переводѣ (**). Кромѣ *семи* мѣстъ во временникѣ Георгія, *буквально* сходныхъ съ такими же въ нашей лѣтописи, въ Несторѣ, по

(*) Каждая страница начала такъ называемой Несторовой лѣтописи, доказываетъ, что почти всѣ происшествія выписаны изъ Византійцевъ, исключая токмо нѣкоторыя, собственно Русскія преданія и свѣдѣнія о внутреннемъ положеніи Россіи, кои однакожъ также могли быть заимствованы изъ Болгарскаго и Греческаго подлинника.« *Тр. Общ. Ист. и Др. Рос.* Ч. IV, Кн. I, 142.

(**) См. статью г. Строева: о *Византійскомъ источникѣ Нестора* въ *Тр. Общ. Ист. и Древн.* Ч. IV, Кн. 1. Лѣтопись имѣетъ такое заглавіе: Временникъ въ простѣ отъ различныхъ хронографъ и сказатель, собранъ же и сложенъ Георгіемъ грѣшнымъ монахомъ. Послѣ того открыты и другіе списки лѣтописи Амартола. *Въ Труд. Общ. Ист. и Древн.* Ч. V, Кн. 1, 255—264. Изъ любопытнаго »замѣчанія« видимъ, что *Георгій Амартолъ* процвѣталъ около 842 г. по Р. Х., что сочиненный имъ Хронографъ идетъ отъ сотворенія міра до Михаила III. (867), и что Левъ Аллацій въ неизданныхъ извлеченіяхъ Конст. Багрянороднаго *περὶ πρεσβέων* читалъ нѣчто изъ этой Исторіи Амартола о *посольствахъ къ языческимъ Государямъ*. Изъ отечественныхъ писателей первый даетъ свѣдѣніе о Георгіѣ Амартолѣ *Иннокентій* въ своемъ начертаніи церковной Исторіи, замѣчая, что достоинство его сочиненія »усугубляется тѣмъ паипаче, что оно служитъ ключемъ ко многимъ темнымъ и труднымъ мѣстамъ древнихъ писателей.« Отд. II, 21, 2. изд.

мнѣнію г. *Строева*, встрѣчаются еще *урывки*, схваченные имъ въ разныхъ мѣстахъ Георгія и принаровленные къ предмету повѣствованія посвоему. »*Даже* можно разложить весь разсказъ философа-анонима, повѣствующаго Св. Князю Владиміру Библейскую Исторію. Это *сотканіе отрывковъ* удостовѣритъ, что не Священное Писаніе, во времена Нестора едва ли вполнѣ переведенное, но тотъ же Георгій руководствовалъ нашего лѣтописателя въ семъ случаѣ.« Г. *Строевъ* увѣренъ даже, что описанія походовъ на Царь-градъ (907 и 945 гг.) и самые договоры заимствованы Несторомъ изъ Византійской Хроники, которая до насъ не дошла, или хранится въ неизвѣстномъ углу какого-либо книгохранилища; онъ убѣжденъ, *что начало временника Нестора неоспоримо — пересажденіе Византійское.*

Смотря съ этой точки на повѣсть Преподобнаго, мы думаемъ, что многія обстоятельства, о которыхъ упоминаетъ лѣтописатель, только примѣсицы, а собственно не относятся къ нашимъ историческимъ лицамъ (*). Слѣдовательно, въ отношеніи

(*) На пр. Олегъ прибилъ щитъ къ вратамъ Константинополя, »знаменуя побѣду.« То же хотѣлъ сдѣлать и Крумъ Болгарскій, требуя однакожъ позволенія отъ Императора. Олегъ умеръ отъ ужаленія змѣи, по предреченію волхвовъ. Съ Оддуромъ Норвежскимъ случилось то же самое. Печенежскій Князь Куря отрубилъ нашему Святославу голову, и изъ черепа его сдѣлалъ чашу. Крумъ, по свидѣтельству Ѳеофана, также поступилъ съ черепомъ Импер. Никифора. Да и вообще дѣланіе изъ череповъ чашъ, обдѣланныхъ иногда въ золото, иногда въ серебро, не рѣдкость ни въ древней, ни въ средней Исторіи. См. *Шлец. Нес.* III. 606 - 608.

къ источникамъ, лѣтопись Нестора составляетъ еще предметъ критики.

Итакъ, только при Петрѣ Великомъ начинается ученое, критическое воздѣлываніе Русской Исторіи. Какіе же пріемы употреблены были къ этому, и что у насъ сдѣлано въ этомъ отношеніи до настоящаго времени? При рѣшеніи сего вопроса, который далеко превосходитъ мои силы, я ограничусь разборомъ трудовъ только тѣхъ ученыхъ, мнѣнія которыхъ, породивъ множество другихъ новыхъ, донынѣ имѣютъ какъ-бы обязательную силу для занимающихся, и необходимо встрѣчаются въ самомъ началѣ курса отечественной Исторіи.

Въ ряду критическихъ изслѣдователей нашей Исторіи первое мѣсто, безъ сомнѣнія, долженъ занять *Байеръ*. Призванный въ С.-Петербургскую Академію Профессоромъ Исторіи и Древностей, онъ вступилъ какъ-бы въ новый для себя міръ: обширное, но еще нетронутое поле открылось для его дѣятельности! Въ школахъ, которыя со временъ Петра постепенно распространялись въ Россіи, преподаваніе отечественной Исторіи сдѣлалось уже необходимымъ условіемъ образованія; но руководствъ рѣшительно не было никакихъ, и *Синопсисъ* Архимандрита *Гизеля*, наполненный баснями Стрыйковскаго и ему подобныхъ, теперь забытый, тогда уважаемый, былъ единственнымъ учебникомъ по части Исторіи. Вотъ что была наша Исторія, когда *Байеръ* вступилъ въ Академію. Естественно, изслѣдованія свои *Байеръ* долженъ былъ начать съ древнѣйшаго періода Русской Исторіи, періода темнаго, запутаннаго и слѣд. представлявшаго болѣе работы уму изслѣдователя. Отсюда дѣйствительно онъ и началъ, и

сдѣлалъ все, чего только можно ожидать отъ его трудолюбія и живой преданности предмету. Одно исчисленіе ученыхъ трактатовъ сего Академика показываетъ уже всю важность его заслугъ. «*Байеръ* — по словамъ *Шлецера* — былъ одинъ изъ величайшихъ Литераторовъ и Историковъ своего вѣка. Сочиненія его, касающіяся по большей части до Древней Русской Исторіи, напечатанныя по смерти его, хотя и со многими ошибками, будутъ однакожъ вѣчно украшать Академическія комментаріи.» Главное достоинство, которымъ нашъ *Байеръ* возвышался едва ли не надъ всѣми Европейскими учеными своего вѣка — правильный критическій взглядъ на Исторію, слѣдствіе глубокихъ свѣдѣній, счастливой проницательности, искусства соображеній. По крайней мѣрѣ справедливо то, что онъ первый положилъ краеугольный камень, на которомъ донынѣ зиждется критическая наша Исторія; уничтожилъ вѣрованіе во многія басни, освященныя временемъ; указалъ на новые источники Византійскіе и Западные, о которыхъ до него и неслыхали; умѣлъ ими воспользоваться самъ, и собственнымъ примѣромъ доказалъ, сколь тщательно, съ какими обширными свѣдѣніями должно приступать къ изслѣдованію отдѣльныхъ явленій старины Русской. Правда, нѣкоторыя разсужденія «великаго» (*) *Байера* остались только свидѣтелями его испытующаго ума и геніальнаго воззрѣнія на предметы, не получивъ опредѣленнаго мѣста въ области Науки; зато другія положительно отвѣчаютъ на вопросы касательно древнѣйшей нашей Исторіи. Никто, напримѣръ, убѣдительно не

(*) *Шлец. Нест.* III. 100.

уничтожилъ его положеній, что *Варяги* нашихъ лѣтописей суть *Норманны* писателей Западныхъ, что Руссы, въ первый разъ нападавшіе на Константинополь, точно были Кіевскіе Руссы. Самъ *Шлецеръ*, со всею ученостію старавшійся опровергнуть послѣднее положеніе, не многихъ убѣждаетъ. Всякое разсужденіе *Байера*, болѣе или менѣе, посредственно или непосредственно, очищаетъ нашу Исторію, наводитъ читателя на новыя идеи, ведетъ къ новымъ соображеніямъ. Такимъ образомъ, пускаясь въ изслѣдованія о Скиѳахъ и Сарматахъ, стоившія ему неимовѣрныхъ усилій, справокъ, соображеній, онъ оправдываетъ Геродота, обличаетъ невѣжество лѣтописателей позднѣйшихъ, преимущественно Византійцевъ, и наконецъ убѣждаетъ, что сіи народы не имѣютъ и не должны имѣть никакого общенія съ Исторіею Россіи. Естественно, не всѣ соглашались съ *Байеромъ*, тѣмъ болѣе, что онъ, не зная языка Русскаго, постоянно находился въ зависимости отъ безтолковыхъ переводчиковъ лѣтописей, и впадалъ въ грубыя ошибки (*). Въ слѣдствіе того начались споры, появились мнѣнія противорѣчащія — и Исторія невольно увлеклась критическимъ направленіемъ. И эта услуга слѣдовательно, также принадлежитъ Байеру, пріемы котораго сдѣлались какъ-бы закономъ даже для самыхъ явныхъ его противниковъ: отъ *Эмина* до *Элагина* всѣ они, противорѣча Байеру въ выводахъ, особен-

---

(*) Потому Татищевъ *Байера*,« преславнаго писателя, который хотя въ древностяхъ иностранныхъ весьма былъ свѣдомъ, но въ Руских много погрѣшилъ.« (I, 2) поправлялъ «яко недовольно знающаго Русскій языкъ и Исторію.» (I. 218).

но въ мнѣніи о происхожденіи Руссовъ, по направленію и пріемамъ Критики, принадлежатъ къ его школѣ (*).

Непосредственнымъ преемникомъ Байера по Академіи и по занятіямъ Россійскою Исторію былъ *Миллеръ*. — Одностороннее направленіе, или лучше, безъусловное вѣрованіе въ лѣтописи, почти всюду отражается въ ученыхъ трудахъ сего Академика. Не смотря на это, слишкомъ полувѣковые неусыпные труды невольно внушаютъ къ нему уваженіе всѣхъ любителей отечественной Исторіи. Подобно предшественнику, занимаясь отдѣльными явленіями нашей Исторіи, *Миллеръ* хотѣлъ, кажется, только оправдывать, подкрѣплять показанія нашихъ лѣтописей; какъ бы не смѣлъ уклониться отъ нихъ, и потому, нарушая правила здравой Критики, доходилъ иногда до странныхъ заключеній. — Кромѣ отдѣльныхъ трактатовъ, *Миллеръ* оставилъ и такія сочиненія, въ которыхъ хотѣлъ быть Историкомъ прагматическимъ. Изъ нихъ особенно замѣчательны: 1. *Сибирская Исторія* (**); 2. *Краткое извѣстіе о началѣ Новгорода, о Князьяхъ его и важнѣйшихъ произшествіяхъ его Исторіи* (***); 3 *О происхожденіи Казаковъ во-*

(*) Сочиненія *Байера* собралъ и издалъ *Klotzius*: *Opuscula ad Historiam antiquam, Chronologiam, Geographiam et rem nummariam spectantia*. Hall. 1770.

(**) *Sibirische Geschichte*. См. *Samml. R. G. VI и VIII*.

(***) *Kurzgefasste Nachricht von dem Ursprunge der Stadt Nowgorod und der Russen überhaupt, nebst einer Reihe der Nowgorodischen Fürsten, und der Stadt vornehmsten Begebenheiten. Samml. R. G. V.* 381—584.

вообще и въ особенности о Казакахъ Запорожскихъ (*); *4. Опытъ Новой Исторіи Россіи* (**).

Сибирская Исторія. Въ 1732 году, въ царствованіе Анны Іоанновны, снаряжена была вторая Камчатская экспедиція, подъ начальствомъ Беринга. Къ этой второй экспедиціи, кромѣ другихъ Академиковъ, присоединенъ былъ и *Миллеръ*, съ тою цѣлью, чтобы онъ занялся Исторіею Сибири, древностями, нравами и обычаями ея жителей (***). Академія не могла сдѣлать лучшаго выбора, и никто, безъ сомнѣнія, изъ современниковъ Миллера не могъ бросить такого свѣтлаго луча на Исторію Сибири, какой брошенъ на нее первымъ нашимъ Исторіографомъ. Такимъ образомъ это сочиненіе, плодъ десятилѣтняго ученаго путешествія (****) *Миллера* по Сибири, достойно уваженія, какъ обстоятельное, доселѣ почти единственное повѣствованіе о постепенномъ углубленіи Русскихъ до береговъ Восточнаго Океана; но для Критики оно не представляетъ ничего особенно замѣчательнаго ни по своему изложенію, ни по мнѣніямъ: это есть только удовлетворительное извлеченіе изъ граммать, какія ученому путешественнику удалось отыскать въ городовыхъ Сибирскихъ архивахъ (*****). *Миллеръ* указываетъ и на

(*) a) *Von dem Ursprunge der Cosacken*; b). *Nachrichten von den Saporogischen Cosacken. Samml.* IV, 365—410; 411-472.

(**) *Versuch einer Neueren Geschichte von Russland. Samml.* V, 1—380.

(***) См. въ III кн. *Samml.* любопытную статью *Nachrichten von Seereisen, und zur See gemachten Entdeckungen*; стр. 1—304, и VI, стр. 564 и слѣд.

(****) Оно продолжалось отъ 8 Авг. 1733 по 14 Фев. 1744 г.

(*****) *Samml R. G.* VI, 565.

другія пособія, которыя онъ, за недостаткомъ иныхъ важнѣйшихъ, принималъ въ соображеніе (*); но это такія пособія, которыя — по собственному сознанію Автора — совершенно обманули его надежды. *Миллеръ*, слѣдовательно, самъ чувствовалъ недостатки труда своего и сознавался, что его *Исторія Сибири* заключаетъ въ себѣ и неважныя подробности (**); но при всемъ томъ *Исторія Сибири*, полная разнообразныхъ свѣдѣній, до которыхъ прежде *Миллера* никто не касался, есть прекрасный опытъ, доселѣ незамѣненный другимъ лучшимъ.

Въ трехъ послѣднихъ своихъ сочиненіяхъ, важныхъ уже по самому содержанію, *Миллеръ* является со всѣми достоинствами и недостатками, опредѣляющими и личное его значеніе, какъ Историка, и направленіе тогдашней Критики, подъ вліяніемъ которой писалъ онъ.

Подобно почти всѣмъ современнымъ изслѣдователямъ, по крайней мѣрѣ Русскимъ, *Миллеръ* не восходитъ, кажется, до всеобщихъ законовъ, по которымъ непреложно всюду совершается развитіе граж-

---

(*) См. *Samml. Russ. Gesch.* VI, 164–5; VIII, 197—199. Такъ называемыя *Сибирскія лѣтописи*, по словамъ Миллера, суть не что иное, какъ преданія, перенесенныя на письмо вскорѣ по завоеваніи Сибири. *Миллеръ* особенно хвалитъ *лѣтопись Ремезова* (Remesowische Geschichtbuch), Тобольскаго дворянина, или сына Боярскаго.

(**) Однакожъ Миллеръ уклоняетъ отъ себя укоризну, говоря: *Für enen Russen, und unsonderheit einen Sibirier, wird nicht leicht etwas zu viel seyn. Für diese ist das Werk eigentlich geschrieben.* VI, 565—6.

дарственности: потому доходитъ до странностей, которыя теперь кажутся непонятными. Опредѣляя, напримѣръ, начало Новгорода, вѣритъ, что онъ основанъ въ V вѣкѣ Славянами Дунайскими, въ одно время съ Кіевомъ, на мѣстѣ Словенска; допускаетъ, что ни Несторъ, ни составитель Новгородской лѣтописи, отдѣленные многими столѣтіями отъ событія, о которомъ повѣствуютъ, не могли имѣть письменныхъ сказаній подъ рукою, — и несмотря на то, вѣритъ имъ безъусловно, утверждая, что память о подробныхъ событіяхъ легко сохраняется въ устныхъ преданіяхъ народа (*). Этаго мало: онъ, для подкрѣпленія своего мнѣнія, выписываетъ одно мѣсто изъ Іорнанда, и не сомнѣвается, что *civitas nova* сего писателя — нашъ *Новгородъ* (**)!

Исчисляя безъ упущенія Князей, которыхъ призывали къ себѣ Новгородцы и которымъ указывали путь отъ себя, Миллеръ успѣлъ замѣтить, что пра-

---

(*) См. *Samml. Russ Gesch.* V, 382.

(**) *Ibid.* Вотъ слова Іорнандовы: *Sclavini a civitate nova et Sclavino Rumunense et lacu, qui appellatur Musianus usque ad Danastrum et in Boream Viscla tenus commorantur* „(*Шлец. Нест. 1, 441*) *Эверсъ* (*Предвар. Крит. изслѣд. стр.* 9. и сл.), приведя это мѣсто и различныя его толкованія, благоразумно прибавилъ: „каждое изъ сихъ объясненій легче опровергнуть, нежели утвердить. Мы не знаемъ, о какомъ времени говорится въ этомъ мѣстѣ, которое можно толковать различно; при томъ, дикія чада природы мало заботились объ опредѣленныхъ границахъ своего отечества.» И *Шлецеръ* (I, 127) чувствовалъ, что точное опредѣленіе границъ, какое представляетъ здѣсь Іорнандъ, какъ и многое другое сдѣлалось отъ переписчиковъ невразумительнымъ, и что объясненія толковниковъ — *натянуты.*

вленіе Новгорода разительно сходно съ правленіемъ вольныхъ городовъ Нѣмецкихъ, (*) — и болѣе ни слова: о связи тѣсной и продолжительной нашей республики съ Ганзою упомянулъ какъ-бы о предметѣ второстепенномъ, какъ-бы мимоходомъ, а главнѣйшіе вопросы, относящіеся къ исторіи Новгорода, оставилъ рѣшить будущему времени.— Знаю мнѣнія Карамзина, который написалъ (И. Г. Р. VI. 124), что не въ правленіи вольныхъ городовъ Нѣмецкихъ, но въ первобытномъ составѣ всѣхъ державъ народныхъ надлежитъ искать образцовъ Новгородской политической системы. Все это быть можетъ; но между тѣмъ знакомясь болѣе и болѣе съ Ганзою — этимъ достопамятнымъ Союзомъ городовъ Германскихъ, который могущественнымъ своимъ вліяніемъ обхватилъ весь Сѣверъ Европы, мы болѣе и болѣе убѣждаемся, что внутренняя организація нашего *»Господина Новгорода«* есть вѣрный снимокъ съ управленія именно Нѣмецкихъ городовъ, а не другихъ какихъ-либо державъ народныхъ. И въ Новгородѣ, какъ тамъ, судъ Вѣчевой былъ народнымъ судомъ, и *»Новгородъ вольный судился своимъ судомъ«* точно такъ же, какъ города Ганзейскіе (**). Такое разительное сходство, даже въ подробностяхъ, не могло быть дѣломъ случая, и потому, вникая пристальнѣе въ

(*) *Damahls war die Regierung der Städte Nowgorod und Plescow gänzlich, wie in den Deutschen freyen Reichs-Städten oder auch Hanse-Städten, die ihnen vermuthlich zur Richtsschnur ihrer Verfassung gedienet, eigerichtet.* V. 461.

(**) Сдѣлаемъ здѣсь кстати еще замѣчаніе. Ганзейскіе города раздѣлялись на *трети*: Любскую и Вендскую, Вестфальскую и Прусскую и Готландскую. См. предисл.

связь событій, скорѣе можно допустить, что политическій бытъ Новгорода устроенъ былъ по образцу вольныхъ городовъ Нѣмецкихъ. — И *Шлецеръ* чувствовалъ (II, 254), что намъ нужна »общая Исторія Русской торговли, и *въ особенности Ганзейскаго Союза съ Новгородомъ*;« и онъ былъ убѣжденъ, что буйная Новгородская демократія *составлена во всемъ по образцу Ганзійскихъ городовъ. Эверсъ* того же мнѣнія. (*Предвар. крит. изслѣд.* 1, 82). Заключимъ: во всякомъ случаѣ Исторія Новгорода ждетъ Бытописателя. *Миллеръ*, по собственному сознанію, занимался ею на-скоро, по особенному частному поводу (*). Потому Критика, произнося приговоръ, должна пользоваться своими правами только въ половину (**).

Переходимъ къ *Исторіи Казаковъ*.

Можно смѣло сказать, что до временъ *Миллера* Русская историческая литература рѣшительно не представляла ничего полнаго, систематическаго о *Казакахъ*. *Миллеръ* первый показалъ этотъ ощутительный у насъ недостатокъ, и своимъ трудомъ положилъ прочное основаніе всѣмъ послѣдующимъ сочиненіямъ о Казачествѣ. Разберемъ главнѣйшія его положенія.

Лаппенберга къ Истор. Сарторія, стр. XXV. Нашъ Новгородъ дѣлился на *пять* концовъ, а Новгородскія владѣнія на *пятины*. Нѣтъ ли и тутъ подражанія? Въ Нѣмецкихъ городахъ составились въ послѣдствіи такъ называвшіеся »*роды*« (*geschlechter*); у насъ есть *житые люди*, и проч.

(*) См. *Samml. Russ. Gesch.* VI, 562—3.

(**) Важныя пособія для Историка Новгорода будущій изслѣдователь найдетъ, между прочимъ, въ »*Опытѣ о Посадникахъ Новгородскихъ*.« Москва 1821.

Кого должно разумѣть подъ именемъ *Казаковъ*? *Миллеръ* отвѣчаетъ: когда идетъ рѣчь о *Казакахъ*, то подъ этимъ именемъ должно разумѣть тѣ народы, которые обитаютъ въ южныхъ областяхъ Россіи; которые языкомъ и религіею сходствуютъ съ Русскими, но имѣютъ другое, почти совершенно воинское устройство, и которые подобно Риму, войнѣ могутъ приписывать свое происхожденіе (Samml. IV, 365—6). Далѣе показано раздѣленіе Казаковъ на двѣ главныя вѣтви: *Малороссійскихъ* и *Донскихъ*, и замѣчено, что первые, безъ сомнѣнія, древнѣе послѣднихъ. — Когда образовалось это общество *Малороссійскихъ казаковъ? Миллеръ*, основываясь на вѣроятностяхъ, старается опредѣлить эпоху. Кіевъ со временъ Андрея Боголюбскаго, лишился своего политическаго первенства. Батый разрушилъ этотъ городъ и всю страну окрестную превратилъ въ пустыню. Гедиминъ положилъ конецъ Татарскому владычеству надъ Кіевомъ, и утвердилъ тамъ свое собственное. Къ *этому времени* — по мнѣнію Миллера — должно относить начало Малороссійскихъ казаковъ, которые, болѣе и болѣе размножаясь числомъ, распространились до Буга и Днѣстра; начали строить селенія, крѣпости, и такимъ образомъ естественно составили воинскую республику, объявившую себя защитницею православія и своей свободы. Вниманіе *Миллера* преимущественно было обращено на *Запорожскихъ казаковъ*, которымъ онъ посвятилъ отдѣльную статью, любопытную, необходимую для справокъ и въ наше время.

Донскіе Казаки, другая главная отрасль, возникаютъ, по мнѣнію *Миллера*, на мѣстѣ казаковъ *Татарскихъ*, о которыхъ такъ часто упоминаютъ наши лѣтописи въ Княженіе Іоанна III. Они, судя по

языку и религіи, Русскаго происхожденія (Samml. R. G. IV. 390, 391.). Прибавимъ, что имя сихъ Казаковъ встрѣчается въ первый разъ въ государствованіе Іоанна IV, около 1552 года, и нѣтъ сомнѣнія, пишетъ Карамзинъ, что они же назывались прежде *Азовскими*, которые въ теченіе XV вѣка ужасали всѣхъ путешественниковъ въ пустыняхъ Харьковскихъ, Воронежскихъ и въ окрестностяхъ Дона, (*И. Г. Р.* VIII, 137 и слѣд.). — О происхожденіи и значеніи самаго слова *Казакъ* Миллеръ не сказалъ ничего опредѣлительнаго. Отвергая смѣшныя словопроизводства отъ *косы, козы* и пр. и пр., *Миллеръ* замѣчаетъ, что казаки назывались также *Черкесами*; что Имнер. Константинъ Багрянородный упоминаетъ о странѣ Казахіи (Κασαχία) между Чернымъ и Каспійскимъ морями, и что на Татарскомъ языкѣ слово *Казакъ* означаетъ легко вооруженнаго воина, способнаго болѣе къ набѣгамъ, нежели къ войнѣ открытой и правильной. Во все продолженіе Татарскаго владычества въ южныхъ предѣлахъ Россіи нѣтъ слуху ни о какихъ *Русскихъ* казакахъ. Они получили начало тогда, когда прекратилось здѣсь господство Монголовъ (*).

Вотъ главное изъ трактата Миллерова о Казакахъ. — Послѣдующія изслѣдованія, говоря откровенно, не много прибавили къ положеніямъ Миллера. Одинъ *Карамзинъ* сдѣлалъ шагъ впередъ. Онъ допускаетъ вѣроятность, что *имя Казаковъ* въ Россіи *древнѣе* нашествія Монголовъ и принадлежало *Torкамъ* и *Берендеямъ* (**), съ X вѣка обитавшимъ на берегахъ

(*) *Samml. R. G.* IV, 380—384. ср. II, 76. 77.

(**) *Торками (Турками)*, по мнѣнію Г. *Сенковскаго* наши лѣтописцы преимущественно называютъ тѣхъ *Ко-*

Днѣпра, ниже Кіева, гдѣ находимъ и первое жилище Малороссійскихъ казаковъ. Мнѣніе свое Исторіографъ подтверждаетъ слѣдующими лѣтописными показаніями. Извѣстно, что Торки и Берендеи назывались Черкасами (*); *Казаки* также. Извѣстно и то, что Касоги, по показанію нашихъ лѣтописей, обитали между Каспійскимъ и Чернымъ морями; что тамъ же находилась страна *Казахія*, и наконецъ, что Оссетинцы и нынѣ еще именуютъ Черкесовъ Косахами. Отсюда заключаетъ Исторіографъ, что Торки и Берендеи, называясь *Черкасами*, назывались и *Казаками* (*И. Г, Р.* Т. V, 381—382).

Не могу умолчать еще объ одномъ извѣстіи которое нахожу у Г. *Кеппена* (**). а., Въ древней Россійской Идрографіи (105) Запорожскіе Казаки называются *Запорожскими черкасами.* Точно такъ же какъ и Кавказскіе Черкессы называются *Пятигорскими черкасами.* в.) Въ концѣ прошедшаго столѣтія Малороссійскіе и Украинскіе крестьяне во всѣхъ публичныхъ актахъ назывались *Черкасами* или *Чер-*

мановъ, которые жили на восточномъ берегу Дона и Азовскаго моря, т. е. *черныхъ Командовъ*; а *Берендеи* суть по видимому, *Белендеры* или *Беленджеры*, поколѣніе также *Турецкаго* корня и *остатокъ* прежняго огромнаго народа *Хазаровъ*. См. *Энц Лекс.* Т. V, подъ словомъ *Берендеи.*

(*) *И. Г. Р.* II, пр. 218 и 347. Торки и Берендеи назывались иногда вообще *Черными Клобуками.* Такъ въ послѣднемъ примѣчаніи сказано: Изяславъ же (внукъ Мономаха), скопя свою дружину пойде, поима съ собою вси *черные клобуки*, еже зовутся *черкасы.*

(**) *См. Древности Сѣвернаго берега Понта.* Перев. *Сред. - Камашева.* Москва 1828.

касскими крестьянами, въ противуположность *Великороссійскимъ крестьянамъ.* с.) Въ Воскресенской лѣтописи (I. 20) вмѣсто *Черкасы*, написано Черпъ асы (черные Асы). *И Шлецеръ* (III, 489) коротко, *да ясно выразился: извѣстно, что первые Казаки были Черкесы.* — Заключимъ: Казачество, дѣйствительно представляя въ стихіяхъ жизни своей много Азіатскаго, наѣздническаго, Черкесскаго, въ то же время представляетъ обширное поле для дѣятельности будущихъ изслѣдователей.

Опытъ новой исторіи Россіи есть не что иное, какъ историческій отрывокъ, обнимающій Царствованіе Бориса Ѳеодоровича Годунова и тѣ внутреннія волненія Русскаго Царства, которыя колебали его до вступленія на престолъ Михаила Ѳеодоровича. Приступая къ описанію одного изъ замѣчательнѣйшихъ періодовъ нашей Исторіи, *Миллеръ* показываетъ побудительныя причины, по которымъ онъ принялся именно за этотъ, а не за другой періодъ; вычисляетъ источники (преимущественно отечественные), дабы предварительно дать отчетъ, на какомъ основаніи онъ повѣствуетъ такъ, а не иначе; опредѣляетъ степень довѣренности этихъ источниковъ, и такимъ образомъ какъ бы очищаетъ свою совѣсть предъ читателями, которые могутъ поправить, но не винить *Миллера*: ему благодарность одна довлѣетъ за трудъ добросовѣстный. Видимъ, что кромѣ лѣтописей, хронографовъ, степенныхъ, родословныхъ, разрядныхъ книгъ и другихъ домашнихъ источниковъ, *Миллеръ* имѣлъ богатый запасъ оффиціальныхъ граммать, собранныхъ имъ въ архивахъ Сибирскихъ городовъ, особенно въ Чердынскомъ; но онъ не могъ, какъ видно, воспользоваться сокровищемъ Московскаго Архива, который породилъ въ

немъ мысль о подобной работѣ (*); ему не доступны были тѣ пособія, которыя мы теперь имѣемъ, благодаря примѣрному трудолюбію Гг. *Устрялова* и *Муханова*, — то есть, *Миллеръ* не имѣлъ того, чѣмъ всего болѣе можно пояснить темныя, загадочныя лица и дѣйствія избраннаго имъ періода.

Указавъ на важнѣйшія сочиненія *Миллера*, постараемся опредѣлить общее направленіе историческихъ трудовъ его и показать, что̀ именно сдѣлалъ онъ для отечественной нашей Исторіи.

При всемъ уваженіи къ памяти сего ученаго, осмѣливаемся сказать, что въ немъ замѣтенъ недостатокъ способности критика: онъ безразлично вѣритъ свидѣтельствамъ разновременнымъ, отечественнымъ и иноземнымъ, лишь-бы они подкрѣпляли его мнѣніе; часто довольствуется однимъ указаніемъ на какого нибудь Саксона Грамматика, и собственныя свои предположенія, однажды сказанныя, выдаетъ за аксіомы, не заботясь о доказательствахъ. — *Миллеръ* не былъ и прагматикомъ: онъ умѣетъ прекрасно разсказать происшествіе отдѣльное; но, возвышаясь до Исторіи цѣлаго Государства, не умѣетъ распорядиться событіями; важное смѣшиваетъ съ мелочнымъ, такъ что трудно угадать господствующую мысль исторической картины, имъ написанной. Но, не смотря на недостатки, извиняемые вѣкомъ, въ которомъ жилъ, средствами, какія имѣлъ въ распоряженіи, *Миллеръ* занимаетъ почетное мѣсто въ ряду нашихъ изслѣдователей: онъ привелъ въ извѣстность всѣ почти главнѣйшіе домашніе источники Русской Исторіи; разобралъ множество драгоцѣнныхъ матеріаловъ сохраненіемъ

(*) *Samml. R. G.* V. 18.

которыхъ мы, можетъ быть, исключительно его ученой заботливости обязаны; однимъ словомъ, *Миллеръ* есть достойный представитель Исторической Науки своего времени. Несмотря на всѣ враждующія обстоятельства, *Миллеръ* постоянно заботился о распространеніи историческихъ свѣдѣній; постоянно издавалъ труды свои и чужіе; уже посѣдѣлый, неутомимо работалъ въ Московскомъ Архивѣ, и до конца жизни не измѣнилъ своему призванію свыше....

Слѣдуетъ говорить о *Шлецерѣ* — объ этомъ великомъ ученикѣ Гесснера и Михаэлиса, который такъ рѣшительно дѣйствовалъ на свой вѣкъ (*), который такъ торжественно преобразилъ первыя главы нашей Исторіи, и который былъ первый въ ученомъ свѣтѣ благовѣститель нашего отечества. Важность критическихъ заслугъ *Шлецера* такъ велика, переворотъ, совершенный имъ въ нашей Исторіи, имѣлъ такія обширныя послѣдствія, что невольно увлекаешься въ подробности, говоря объ этомъ славномъ мужѣ, наставникѣ всѣхъ послѣдующихъ нашихъ изыскателей.

Вызванный Миллеромъ изъ Геттингена въ С.-Петербургъ, *Шлецеръ*, бесѣдуя съ нашимъ Исторіографомъ, узналъ о богатствѣ историческихъ нашихъ матеріаловъ; забылъ востокъ, куда рвалась душа его, выучился языку Русскому и со всѣмъ жаромъ юности схватился за наши лѣтописи, въ которыхъ открылся ему новый міръ, *міръ верхняго сѣвера Европы* (*Шлец.*

(*) Геренъ такъ начинаетъ біографію Шлецера:» *Unter der deutschen Historikern ist keiner, der auf sein Zeitalter so stark eingevirkt hätte als Schlözer. Das Einwirken anderer beschränkte sich auf die Litteratur; das seinige griff tiff ins thätige leben ein.* T. VI, p. 498.

Нест. I, Отд. II). Сдѣлавшись Профессоромъ Русской Исторіи въ Академіи, *Шлецеръ* прежде всего занялся сличеніемъ лѣтописей, какія могъ достать въ архивѣ Академіи и у людей частныхъ; старался показать Русскимъ, какъ разработывали Историческіе матеріялы въ образованныхъ государствахъ западной Европы, и какъ должно приступить къ этому у насъ; еще не думая объ изданіи *сличеннаго* Нестора, напечаталъ *Русскую Правду* и *Никоновскую лѣтопись* (1ю часть), желая, какъ самъ говоритъ, заслужить благосклонность Русской публики, и въ то же время отучить ее отъ *страха издавать* лѣтописи. — Вотъ какъ началъ онъ новое свое поприще въ нашей Академіи. Между тѣмъ въ умѣ *Шлецера* тѣснились великія идеи, обширнѣйшіе планы. Въ *Опытѣ Русскихъ лѣтописей* онъ далъ знать всему ученому міру о лѣтописныхъ сокровищахъ, какими владѣетъ Россія, и приготовлялся къ обширнѣйшей работѣ, обнимая всю Древнюю нашу Исторію до Романовыхъ. Пораженный ужасною, но еще совершенно грубою массою нашихъ историческихъ матеріаловъ, онъ дѣлалъ обширныя начертанія, соразмѣрныя величію Русской Державы и богатству ея Исторіи, — начертанія, долженствовавшія обнять все, и для выполненія которыхъ нужно было всемогущество Екатерины II, — *этой Великой Жены*, при которой заблисталъ новый свѣтъ и въ Русской Словесности. Но патріотическіе и космополитическіе замыслы его подавлялись густымъ туманомъ, окружавшимъ тогда Академію (*Нест. I*, xxxiv — xxxvi). *Шлецеръ* возвратился въ Геттингенъ. И тамъ, среди новыхъ занятій, онъ все попрежнему любилъ Русскую Исторію, любилъ Нестора, какъ *стараго друга*; и если — (его собственныя слова) — если при по-

стороннемъ чтеніи попадалось мнѣ что нибудь служащее къ его объясненію; если, напримѣръ, въ Гелвеціевомъ сочиненіи *объ умѣ* находилъ я Византійскій источникъ Несторовыхъ извѣстій о правахъ древнихъ народовъ, или въ Нѣмецкомъ Музеѣ встрѣчался съ Юграми и Заволочанами, или въ Абульфедѣ открывалъ Варяговъ: то никакъ не могъ удержаться, чтобы нечаянно найденнаго не вносить въ старую тетрадь свою (*Нест.* I, въ началѣ).

Шлецеръ, живя и въ Геттингенѣ, постоянно слѣдилъ за успѣхами Исторической нашей литературы; радовался, что исчезла закоренѣлая злая болѣзнь, то есть *отвращеніе издавать въ свѣтъ рукописи*, и начали наперерывъ печатать древнія и новыя, особенно въ престарѣлой Москвѣ; радовался, что въ той же Москвѣ учреждено *Вольное Россійское Собраніе* (г. 1771), питавшее прекрасныя его надежды на усовершенствованіе Русской Исторіи; пріятно было ему смотрѣть, какъ большая часть Русскихъ веселилась и не могла найтись въ новомъ свѣтѣ, разлитомъ *Великою Женою*; какъ бредни сочинителя Ядра Россійской Исторіи и невѣжество Леклерка выкупаютъ, нѣкоторымъ образомъ, истинно учеными трудами *Миллера* и *Болтина*; но вдругъ, въ послѣднихъ годахъ прошлаго столѣтія, Русская исторія начинаетъ терять ту истину, до которой довелъ ее *Байеръ* съ своими послѣдователями: заговорили о Финнахъ, какъ о праотцахъ Руссовъ, стали вѣрить, какъ доказанной истинѣ, что еще до Рюрика производилась чрезъ Россію Остъ-Индская торговля отъ Ганга до морей Балтійскаго и Бѣлаго; даже вызвали изъ гробовъ давно почившихъ Мосоха Яфетовича и Скиѳа . . . (Нес. I, Отд. V).

Тутъ *экспрофессоръ Русской Исторіи*, лѣтъ десять издали смотрѣвшій на этотъ плачевный упадокъ, потерялъ терпѣніе, и написалъ книгу: *Несторъ*, для которой ровно *сорокъ лѣтъ* собиралъ онъ матеріалы. — Въ этой книгѣ *Шлецеръ* старался осуществить прежнія свои *начертанія* и *теоріи*. Руководствуясь правилами строгой, ученой критики, онъ хотѣлъ *вполнѣ* возстановить текстъ Несторовой лѣтописи, и потому, приступая къ труду, предварительно задалъ себѣ три вопроса: 1. *что́* Несторъ *писалъ* дѣйствительно? это первая *операція*, *малая* критика, или критика словъ; 2. *что́* онъ подъ симъ *разумѣлъ?* Какъ понимать такое-то его выраженіе? вторая операція, — толкованіе грамматическое и историческое; 3. *правильна* ли его мысль! историческое ли произшествіе онъ повѣствуетъ или сказку? третія операція — *высшая* критика, или критика дѣлъ (I — 395 — 7). Въ какой же степени *Шлецеръ* успѣлъ разрѣшить предложенные себѣ вопросы, и что́ сдѣлалъ онъ вообще для нашей Исторіи, какъ критикъ? Нельзя думать, что *возстановленный* его Несторъ есть точно Несторъ XI столѣтія; нельзя думать, будто *Шлецеръ* всегда угадывалъ, что́ написано самимъ Несторомъ и что́ вставлено невѣждами переписчиками, что онъ написанное понималъ именно такъ, а не иначе; нельзя думать наконецъ, что и въ критикѣ *дѣлъ Шлецеръ* не погрѣшителенъ: главное въ томъ, что *Шлецеръ* не вѣря ни чьему слову, все испытывая и повѣряя, бросилъ яркій лучь свѣта въ хаосъ перваго періода Россіи; первый, кажется, предугадалъ Византійскій источникъ Нестора; мнѣнію Байера о Скандинавскомъ происхожденіи Варяго-Руссовъ придалъ силу едвали не положительнаго убѣжденія; окончательно доказалъ ис-

торію крещенія Ольги, уничтоживъ всѣ сомнѣнія; первый ученымъ образомъ началъ объяснять договоры Князей Кіевскихъ съ Греками — и первый изъявилъ сомнѣніе въ ихъ достовѣрности; вразумилъ Русскихъ, что пора отстать отъ Скиѳовъ и Сарматовъ; что смерть Олега, хитрости Ольги, кисель Бѣлогородской суть басни, не достойныя повторенія. Обо всемъ этомъ говорилъ подробно, не шутя, зная, что въ небылицахъ многіе, не шутя, видѣли факты.

Кромѣ того, сколько разбросано въ его Несторѣ новыхъ свѣдѣній, которыя, поясняя темныя сказанія Русскихъ лѣтописей, важны и для Исторіи цѣлой Европы! До Шлецера, чтό знали Русскіе Историки, напримѣръ, о Венграхъ или Уграхъ, о Моравахъ, о Славянскихъ первоучителяхъ, Кириллѣ и Меѳодіи, о переводѣ Библіи и проч. и проч.? *Шлецеръ* самъ чувствовалъ, что все это отдѣлано имъ съ „отмѣннымъ стараніемъ", и что знатоки отдадутъ ему справедливость (*). Не все объясняя, *Шлецеръ* довольствовался иногда одними только указаніями; иногда только наводилъ читателя на изслѣдованіе — и такимъ образомъ задалъ много задачь подростающему Русскому поколѣнію, молодымъ Русскимъ учащимся, съ полнымъ упованіемъ, что они съ такою же ревностію, какъ онъ самъ, примутся за его дѣло, что они будутъ продолжать его любимую работу, наполнять пустоту, имъ оставленную, и исправлять ошибки, имъ сдѣланныя (*Нест.* II, 126). Прибавимъ, что всѣ изслѣдованія, по видимому, утомительныя, иногда мелочныя, онъ умѣлъ облечь въ форму неизъяснимо увлекательную, и

(*) *Нест.* II, 579.

мы поймемъ, что *Несторъ* его, произведя впечатлѣніе во всемъ историческомъ мірѣ, въ Россіи долженъ былъ имѣть рѣшительное дѣйствіе.

Недостатки *Шлецера*, какъ Критика, поучительны такъ же, какъ важны и историческія истины, имъ высказанныя. *Шлецеръ* до излишества обожалъ Нестора и Русскія лѣтописи вообще, и увлекся до того, что, при всей осторожности, своимъ мнѣніемъ скрѣпилъ и древность, и подлинность нашихъ лѣтописей, полагая въ тоже время, что мы должны отказаться отъ надежды имѣть настоящіе подлинники, по крайней мѣрѣ за 1200 годъ; что у насъ есть только списки, изуродованные до безобразія, которые приводили его въ отчаяніе; главное же, что на первой случай не льзя еще найти ни какой системы, ни какой правильности въ вещахъ, называемыхъ *лѣтописями*, и что для *Русской* критики требуется совсѣмъ *особенная* критика, *особенныя* правила (*Нест.* I, XIII, XIV, XVI). Это благоговѣніе къ Нестору доходило до того, что самыя очевидныя басни онъ не охотно ему приписываетъ, предполагая, что это, можетъ быть, позднѣйшія вставки и невѣжественное умничанье переписчиковъ (*). Въ то же время приговоръ *Шлецера* о Преподобномъ, не имѣя твердаго, самому себѣ вѣрнаго начала, невполнѣ обнимаетъ достоинство Нестора, какъ бытописателя, и возбуждаетъ понятіе о измѣняемости мнѣній самаго Критика. Вотъ какъ судитъ онъ о *Несторѣ*.

1. Этотъ Руссъ въ сравненіи съ позднѣйшими Исландцами и Поляками такъ превосходенъ, какъ

(*) См. Ч. 1. *Введ. Отд.* I, кв. Ч. III. 260, и во многихъ другихъ мѣстахъ.

разсудокъ, иногда затмѣвающійся, съ безпрестанною глупостію; и что̀ бы безъ сего монашествующаго брата знали мы о всемъ верхнемъ сѣверѣ до XI столѣтія? (I, 136. *Отд.* I-е).

2. *Несторъ* на всемъ этомъ обширномъ поприщѣ (отъ 800—1500 г.), есть *одинъ* только *настоящій*, въ своемъ родѣ *полный* и *справедливый*.... лѣтописатель. Онъ, будучи честнымъ лѣтописателемъ, никогда съ умысломъ не переиначиваетъ несчастныхъ случаевъ, бывшихъ съ его народомъ (I, мз; II, 383).

3. *Несторъ* есть монахъ XI столѣтія, подобный всѣмъ Европейскимъ монахамъ своего времени: не ученъ, какъ и тогдашніе его Византійскіе учители, которыхъ онъ взялъ себѣ за образецъ, и проч; жившій на Днѣпрѣ, въ такомъ уголкѣ земли, который мало имѣлъ сношенія съ прочимъ земнымъ шаромъ; не зналъ ничего, относящагося до познанія людей и свѣта. — Честный монахъ *Несторъ* не занимается историческою живописью нравовъ: это сухой писатель Временника (I, 294—7; III, 222).

4. *Несторъ*.... вноситъ въ свой временникъ *народныя сказки* (II, 191). Потомъ еще рѣшительнѣе: Русскій временникъ, *несправедливо называемый Несторовымъ*, въ семъ отдѣленіи (гдѣ говорится о войнѣ Святослава съ Греками) подвергается опасности потерять къ себѣ всякое довѣріе и лишиться всякой чести... Выписанное (отъ 535 до 600 стр.) слово въ слово изъ Русскаго Временника, нестерпимо: очевидное противорѣчіе самому себѣ (а не только Византійцамъ)! Когда Руссы теряютъ сраженіе за сраженіемъ, городъ за городомъ: тутъ именно побитые Руссы получаютъ отъ побѣдителей

большіе дары, кои они называютъ данью, и проч. (III, 609—610).

Послѣ такихъ отзывовъ *Шлецера* о лѣтописи, невольно приходятъ на память слова *Эверса*, именно по этому случаю сказанныя: „Достовѣрность писателя, на которомъ должна основываться Исторія великаго народа, заслуживаетъ рачительнѣйшаго опредѣленія, не такого, какое сдѣлано *Шлецеромъ*. Противорѣчія заставляютъ подозрѣвать, что Критикъ произноситъ общій приговоръ по частнымъ видамъ, не имѣя всего предмета передъ собою и не обдумывая его основательно" (*Крит. Изслѣд.* Ч. II. *Отд.* V).

Шлецеръ иногда слишкомъ, кажется, увлекается духомъ противорѣчія и нерѣдко доходитъ до странныхъ заключеній, или лучше, изъ продолжительныхъ своихъ изслѣдованій иногда не выводитъ ни какихъ положительныхъ заключеній, кои могли бы занять мѣсто въ наукѣ. Съ какимъ жаромъ, напримѣръ, старается онъ доказать, что Руссы, въ первый разъ нападавшіе на Константинополь, не суть Руссы Кіевскіе, хотя согласіе Нестора съ Византійцами, одноименность народа у него и у Грековъ, современность произшествій убѣждаютъ каждаго въ тождествѣ народа, которому приписываютъ они бурный приливъ къ стѣнамъ Цареградскимъ. Мало того, что *Шлецеръ*, для доказательства своего мнѣнія, приводитъ свидѣтельства Льва Грамматика, Кедрина, Патр. Фотія и другихъ Византійцевъ, современныхъ и не современныхъ событію; онъ вѣритъ даже Никоновской лѣтописи и Степенной книгѣ, симъ двумъ *плохимъ сборникамъ* (*Шлец. Нест.* I, ча — че; II, 105), и допускаетъ бытіе *Руссовъ Черноморскихъ*,

народа, по его мнѣнію, совершенно отличнаго отъ *Руси Кіевской*. Какой же результатъ изслѣдованій *Шлецера*? Такимъ образомъ, заключаетъ онъ, сіи Россы на вѣрное не были настоящіе Руссы . . . это особенный народъ, неизвѣстная орда варваровъ; вѣроятно, народъ прибрежный, показавшійся на западѣ, изчезнувшій подобно Скифамъ Радагансовымъ; шедшій съ Востока, но не извѣстно, откуда точно? названный въ Константинополѣ ρως, неизвѣстно почему? прогнанный опять въ свои пустыни не Европейскимъ просвѣщеніемъ или храбростію, но случаемъ, только неизвѣстно куда? Не появлявшійся никогда послѣ въ Исторіи, по крайней мѣрѣ подъ названіемъ Россовъ (II, 109 и 110).

По этому изслѣдователь и читатели остаются въ неизвѣстности, а народъ обращается въ загадку для потомства. Все будетъ ясно, когда мы, не увлекаясь опаснымъ желаніемъ *строить системы* въ этомъ событіи, согласно описанномъ и Византейцами, и Несторомъ, увидимъ нашихъ героевъ Аскольда и Дира.

Что положительно сказалъ *Шлецеръ* о *Волохахъ*? Смѣшно, говоритъ онъ (II, 50), какъ древніе Географы - невѣжды возятся съ горою Тавромъ; а самъ мучитъ бѣдныхъ Волоховъ, заставляя ихъ быть то Италіянцами, то собственно Волохами, какъ того требуетъ связь повѣствованія и намѣреніе при толкованіи онаго (I, 99, 104, 141. II, 396 и слѣд.).

По увѣренію *Шлецера*, названіе *Руси*, и въ періодъ Монгольской, лѣтописи наши *исключительно относятъ къ одной области Новгородской* (I, 344), хотя можно доказать совсѣмъ противное; все показаніе годовъ въ Русскихъ лѣтописяхъ, можетъ быть

до Игоря, есть не болѣе, какъ *ученое вранье* (I, 315); Исландскія саги — *безумныя сказки* (*Введ. отд.* II). Правда, критика Сагъ (по замѣчанію Эверса) принадлежитъ еще къ малообработаннымъ труднѣйшимъ статьямъ въ Исторіи (*); но при критическомъ умѣньи ими пользоваться, все же можно найти въ нихъ важныя поясненія для Исторіи Руссовъ (**) Вообще, труды Королевскаго Датскаго Общества, облегчившіе употребленіе Сагъ, вниманіе, обращенное на нихъ учеными, и неоспоримое ихъ отношеніе къ Русской Исторіи, убѣждаютъ насъ, что *Шлецеръ* столь же много ошибался въ оцѣнкѣ истиннаго достоинства Сагъ, сколь велико было его пренебреженіе къ нимъ.

„*Шлецеръ*, ослѣпясь какимъ нибудь положеніемъ, которое почитаетъ доказаннымъ, бываетъ слишкомъ смѣлъ въ исканіи и легковѣренъ въ обрѣтеніи сокровенныхъ слѣдовъ своей истины (***).“ Совершенно справедливо. Такъ говоритъ онъ (I, 343): »Сильная привязанность Новгородцевъ къ свободѣ, которая во все продолженіе Средняго вѣка часто оказывается сверхъ мѣры, заставляетъ также заключать, что они Варяжскаго происхожденія.“ Далѣе, по его мнѣнію, Варяги долгое время составляли *большую часть* жителей Новгородскихъ; почему и языкъ ихъ (древле-Шведскій) остался тутъ въ *преимущественномъ употребленіи* (ibid). Но тамъ же сказано

(*) *Древнѣйш. Русское Пр.* 64.

(**) См. статью о *Сагахъ* Г. *Сенковскаго* въ *Библ. для чтенія* 1834 г.

(***) *Предвар. Крит. Изслѣд.* 82.

что „Руссовъ было *очень не много* по соразмѣрности; ибо изъ смѣшенія обоихъ, очень различныхъ между собою языковъ, не произошло никакого новаго нарѣчія.“ А на стр. 357 у него опять сказано: »три брата привели съ собою столько людей, что *могли все преодолѣть.*“ — *Шлецеру* понравилось извѣстіе о возмущеніи Новгородцевъ подъ начальствомъ *Вадима Храбраго*, — и *Шлецеръ* пускается въ разсужденіе: „удивительно, что сіи столь важныя происшествія сохранились въ одномъ только Ник... Очень легко станется, что это выпущено съ *умысломъ трусливыми* переписчиками. Часто случается, что политика сильныхъ или робкихъ вторгается въ область критики, вырываетъ цѣлые листы изъ лѣтописей и приказываетъ вставлять другія слова!“ (I, 351—8). Надобно замѣтить притомъ, что Патріаршій списокъ, въ которомъ сказано объ этомъ, *грубымъ образомъ поддѣланъ*, *или лучше*, *вновь составленъ.* Самъ же *Шлецеръ* говоритъ это (*Предувѣдомл.* III).

Вотъ и другой подобный примѣръ. Приводя изъ Жиральдовой *Topographia Hiberniae* сказку о нашествіи Оттомановъ подъ предводительствомъ *трехъ* братьевъ, и находя въ ней »чрезвычайное сходство« съ повѣствованіемъ нашихъ лѣтописей о Рюрикѣ съ братьями, *Шлецеръ* прибавляетъ: »но въ разсужденіи Рюрикова существованія не можетъ быть никакого подобнаго сомнѣнія; и все, что́ говорится въ *древнихъ, чистыхъ лѣтописяхъ* о его приключеніяхъ (*) до самой смерти, отличается простотою и

(*) Въ древнихъ лѣтописяхъ, въ продолженіе *семнадцати* лѣтъ, о Рюрикѣ упоминается только *три* раза: при

историческою истиною (!), Слѣдовательно (?) *Ирландецъ*, кажется, *заимствовалъ свою сказку у Россіянина, а не наоборотъ.* (*Нест.* I, 352—3). Вотъ, какія заключенія выходили иногда у великаго въ критикахъ! — Все это и многое подобное напоминаетъ намъ слова самаго же *Шлецера*: въ царствѣ истины ни на чье увѣреніе полагаться не должно... Не надобно совершенно ни на комъ утверждаться, а испытывать и доказывать... Пусть Критика исполняетъ и надо мною почтенную свою должность: я облегчилъ ее въ этомъ (I, 427; II, 137).

Приводя къ одной главной цѣли труды нашихъ первоучителей въ Исторической критикѣ, замѣчаемъ, что всѣ они клонятся къ уясненію перваго періода нашей Исторіи, преимущественно же къ рѣшенію вопроса: кто были Варяги вообще и Варяго-Руссы въ особенности? — вопроса, который такъ долго занимаетъ нашихъ изслѣдователей, и который, между тѣмъ, остается едвали не въ томъ же видѣ, въ какомъ былъ предложенъ при самомъ его началѣ; по крайней мѣрѣ несомнѣнно, что происхожденіе Руси есть еще тяжебное дѣло въ нашей Исторіи, требующее новаго пересмотра и новыхъ источниковъ для окончательнаго рѣшенія. Здѣсь кстати, слѣдовательно, указать на тѣ системы, какія люди ученые, отечественные и иноземные, построили о

Варяго-Русскомъ пришествіи 862; да спустя два года, когда онъ началъ княжить одинъ, послѣ смерти братьевъ своихъ; потомъ въ продолженіе *пятнадцати лѣтъ* — *ни слова о Рюрикѣ*; и наконецъ подъ 879 г. замѣчено, что „умре Рюрикъ князь, княживъ лѣтъ 17."

происхожденіи Руси. Въ подробности вдаваться не будемъ и представимъ только существованное.

Байеръ и его послѣдователи рѣшительно полагали, что *Варяги* суть *Скандинавы*, а *Русь*, давшая собою имя Русскому Государству — *Шведы* или, по крайней мѣрѣ, одно изъ племенъ Норманискихъ, обитавшее въ нынѣшней Швеціи. Не повторяю доказательствъ, уже нѣсколько разъ повторенныхъ (*); — замѣчу только, что мнѣніе о Норманскомъ происхожденіи основателей Россійскаго Государства, скрѣпленное славными именами *Байера*, *Миллера*, *Тунмана* (**), *Карамзина*, *Круга*, *Френа* (***), обратилось какъ бы въ законъ для всѣхъ послѣдующихъ изыскателей нашей Исторіи; всѣ заговорили о Руссахъ-Шведахъ, и мнѣнія, напримѣръ, Татищева, Ломоносова приводили только въ насмѣшку, какъ примѣръ *не ученой фантазіи* (*Шлец. Нест.* I, 429). *Шлецеръ*, имя котораго было такъ сильно въ области наукъ историческихъ, сказалъ утвердительно, что ни кто, *могущій понять ученое историческое доказательство*, не будетъ сомнѣваться въ истинѣ Байерова положенія, (****) которое, повторимъ, надолго превратилось

(*) См. *Разсужденіе* Г. Погодина: *О происхожденіи Руси*. Москва 1825.

(**) Въ извѣстномъ сочиненіи Тунмана: *Изслѣдованія касательно Исторіи Восточныхъ Европ. народовъ*, помѣщена статья: *Ueber einige Gegenstände der Russischen Geschichte*, гдѣ Авторъ раскрываетъ мнѣніе свое о происхожденіи Руси.

(***) См. *Библ. для чтенія* 1838 г. *Августъ*.

(****) *Нест.* I, 325.

въ догматъ и для изслѣдователей, и для читателей Русской Исторіи.

Прошло нѣсколько времени. Наши ученые болѣе и болѣе знакомились съ источниками отечественной Исторіи, старыми и новыми; глубже и глубже всматривались въ положенія *Байера*, *Тунмана*, *Шлецера*, и наконецъ проложили новые пути къ рѣшенію вопроса о происхожденіи Варяго-Руси.

Своимъ путемъ, не Байеровскимъ, первый пошелъ *Эверсъ*. Этотъ осмотрительный, ученый критикъ самъ сознавался, что доказательства въ пользу Скандинавскаго происхожденія Руссовъ, именно изъ Швеціи, *Шлецеръ* умѣлъ выставить съ такой блистательной стороны, что почти страшно было подвергнуть ихъ испытанію. Потому онъ старался оправдать свое сомнѣніе въ ихъ прочности, прежде нежели осмѣлился представить свое мнѣніе, которое всеобщимъ историческимъ догматамъ еретически противорѣчитъ (*). Отсюда изслѣдованія Эверса естественно дѣлятся на двѣ части (см. ниже). — Не знаемъ, справедливо ли сказано, что парадоксъ Эверса (**) сбилъ съ пути многія дарованія, которыя, при лучшемъ направленіи своего трудолюбія, могли бы подвинуть къ свѣту разныя темныя статьи нашей первоначальной Исторіи, вмѣсто того чтобъ останавливать ходъ исторической критики неумѣстными спорами о предметѣ, ясномъ до очевидности; соглашаемся, что ги-

(*) См. *Предварительныя критическія изслѣдованія Густава Эверса для Росс. Исторіи*, I, 63–4. пер. Г. Погодина. М-ва, 1825.

(**) Т. е. ученіе его о Хазарскомъ происхожденіи Руси.

потеза о происхожденіи Руссовъ отъ Хазаровъ не на прочныхъ основаніяхъ держится; но смѣло утверждаемъ, что многія изъ возраженій, какія *Эверсъ* сдѣлалъ Байеру, Тунману, Шлецеру, изложены на основаніи правилъ Критики самой строгой, такъ что нѣкоторыя положенія поборниковъ Скандинавской родины нашей Руси, рѣшительно теряютъ доказательную свою силу (*). Покрайней мѣрѣ, должно согласиться, что мнѣніе свое *Эверсъ* изложилъ съ отличнѣйшимъ искусствомъ и цицероновскою хитростію, что въ этомъ отношеніи оно навсегда останется образцовымъ (**), и изслѣдованія его, положимъ, ложныя въ основной идеѣ, заключаютъ много отдѣльныхъ объясненій, догадокъ, предположеній, посредственно или непосредственно просвѣтляющихъ первый вѣкъ нашей исторической жизни.

Татищевъ былъ основателемъ новой Исторической школы. Не смотря на всѣ существенные недостатки, подмѣченные особенно покойнымъ нашимъ Исторіографомъ, трудъ *Татищева* составляетъ, по нашему мнѣнію, примѣчательное явленіе, особенно, когда сообразимъ и время, въ которое писалъ онъ,

---

(*) Напр. кто приметъ теперь въ число доказательствъ сходство Правды Ярослава съ законами Скандинавскими и Рослагенъ? См. *Изслѣд.* Г. IX и X. Объ этомъ можно читать еще статью *Бар. Розенкампфа*: *Объясненіе нѣкоторыхъ мѣстъ въ Несторовой лѣтописи вразсужденіи вопроса о происхожденіи древнихъ Руссовъ.* Тр. общ. Ист. и древ. Росс. Ч. IV, кн. I. Значенія Рослагена объясняетъ и Г. *Булгаринъ* въ своей *Россіи.* См. Ист. Ч. III.

(**) См. Разсужденіе о происхожд. Руси. 174.

и средства, какими могъ онъ пользоваться (*). *Татищевъ* уже понималъ, что *безъ знанія иностранныхъ Исторій своя не будетъ ясна и достаточна*; что и науку *критики* знать небезнужно (**), „дабы — говоря его же словами — басенъ за истину и неудобныхъ за бытія не принять« (см. Кн. I, предъизвѣщ. V, IX). Такимъ образомъ нашъ Историкъ уже не простой прелагатель лѣтописей: онъ оцѣниваетъ ихъ достовѣрность (XI и XII), сравниваетъ извѣстія и изъ сравненій выводитъ слѣдствія. — Самые разнорѣчащіе толки современниковъ Татищева о трудѣ его, — самыя эти „*тяжкія порицанія*,“ которыя падали на его сочиненіе, доказываютъ уже, что Исторія *достопамятнаго* (***) Татищева (тогда еще рукописная) казалась необыкновеннымъ явленіемъ, и что Татищевъ, по нѣкоторымъ своимъ понятіямъ и историческимъ вѣрованіямъ, стоялъ выше своего вѣка, опередилъ его.

Не входя въ подробный разборъ Исторіи *Татищева*, мы укажемъ здѣсь только на тѣ положенія, которыя особенно занимаютъ современную нашу историческую критику.

(*) Самый поводъ къ труду уважителенъ: главнѣйшее желаніе Татищева »*въ продолженіи такъ многому списканію* и произведенію« было »*воздать должное благодареніе Петру Великому*.«

(**) Зачѣмъ же послѣ сказалъ онъ: »а о сладкорѣчіи и *критикѣ* не прилежалъ?« Предъизвѣщ. XIV.

(***) Такъ называютъ его издателей Русской Правды. М-ва. 1792. — Самъ *Миллеръ* нетерпѣливо ожидалъ изданія Исторіи Татищева. См. *Samml. Russ. Gesch.* V, 2. Судьба ему же судила быть и издателемъ.

Понятіе его о лѣтописателяхъ и лѣтописяхъ существенно состоитъ вотъ въ чемъ: *Несторъ* есть древнѣйшій лѣтописатель „между Русскими историки" (кромѣ Іоакима, быть можетъ), и лѣтопись его, доведенная до 1093 г., дошла до насъ *не въ томъ* уже видѣ, какой былъ данъ ей самимъ Несторомъ: *неразсудные дерзнули* прибавлять и сокращать извѣстія (Кн. I, Гл. V).

А какъ рѣшаетъ онъ вопросъ о Варяго-Руссахъ? Упомянувъ о пришествіи Рюрика изъ Пруссіи и о родствѣ его съ Августомъ, какъ о двухъ мнѣніяхъ, или лучше, басняхъ, которыя „доводнѣ отвергаются," — *Татищевъ* излагаетъ свое мнѣніе объ этомъ предметѣ, и говоритъ, что „подлинное пришествіе Руссовъ является изъ Финляндіи." Доказательство: a) что между Финнами болѣе нежели гдѣ индѣ рыжихъ волосовъ имѣютъ, и b) что близъ Абова есть гора, называемая *Русскою*, и гдѣ, сказываютъ, издавна жили Руссы" (Кн. I, 390). Это положеніе неоднократно повторяетъ онъ и послѣ; настаиваетъ, что „Несторъ, когда прилежно его разсмотрѣть, то не иначе, какъ *Финовъ* подъ именемъ *Варяго-Руссовъ* разумѣетъ" (II, 362 и въ другихъ мѣстахъ). *Море*, за которое отправлено было посольство къ Варяго-Руссамъ, по мнѣнію его, есть Ладожское озеро, которое Финны зовутъ *Венеемъ мѣры*, т. е., *море Русское* (*).

Мнѣніе Татищева, происхожденіемъ почти современное Байерову, сдѣлалось въ свою очередь

(*) II, 353. Въ книгѣ I, 269. »Ругенское море если не заливъ въ Помераніи при Ругенѣ островѣ, то Ладожское озеро, которое Финны зовутъ *Венеемъ мери*, т. е. *Русское море*.

господствующимъ между *Русскими*, особенно послѣ того, какъ *Болтинъ* явился сильнымъ его провозвѣстникомъ, написавъ свои „Примѣчанія на Исторію Леклерка,“ (*) или, какъ выражается самъ Болтинъ, на *Исторію нелѣпостей и лжей* (I, 437). Авторитетъ Болтина былъ важенъ тѣмъ болѣе, что — по суду *Шлецера* (I, 380) — „ни одинъ еще Русскій не писалъ своей Отечественной Исторіи съ такими познаніями, остротою и вкусомъ.“ По мнѣнію Болтина, какъ и по Татищеву, Варяги — Финны, а Варяго-Руссы Финны-же, только „съ Руссами помѣшанные“ (*Прим. на Лекл.* I, 43; II, 110).

Отъ какого именно народа происходятъ Русскіе? „Я не осмѣлюсь рѣшительно сказать.... ; хотя, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, и мню Цимбровъ быти ихъ прародителями.“ (I, 29; ср. 17—18).

Самое слово *Русь* онъ объясняетъ также, какъ и Татищевъ: оно Сарматское и значитъ — *Черный* или *Красный* (II, 47).— *Несторъ*, древнѣйшій лѣто писатель Русскій, но по тому единственно, что „его лѣтописи полный списокъ, съ надписаніемъ имени

(*) Примѣчанія на Исторію древнія и нынѣшнія Россіи Г. Леклерка, сочиненныя Генералъ-Маіоромъ И. Болтинымъ. 1788. Т. 1. и 11. Леклеркъ, родомъ Французъ, былъ два раза въ Россіи; возвращаясь въ Парижъ (въ 1775 г.), онъ набралъ съ собою *всякой всячины* и всю эту *всячину* вздумалъ обратить въ деньги. Такъ составилась его *Histoire physique, morale, civile et politique de la Russie ancienne*, изданная въ 1783 г. См. *Шлец. Нест.* 1, *Введ. Отд. V. Болтинъ,* »подвигнутый усердіемъ къ истинѣ и Отечеству,« написалъ на нее примѣчанія, »чтобъ уличить и устыдить наглаго и лживаго ея сочинителя.« См. Т. 1. *Увѣдомл. читателю.*

его, прежде Іоакимовой (*) открытъ свѣту" .... Несторъ конечно не съ словъ писалъ свою лѣтопись, а съ разныхъ лѣтописей, хотя на нихъ и не ссылается." (I, 58—59)

Ломоносовъ былъ основателемъ новаго ученія о Руссахъ — ученія, которое видимо возобновляется въ наше время, съ нѣкоторыми только уклоненіями, въ слѣдствіе знакомства съ новыми источниками, и въ слѣдствіе болѣе глубокаго пересмотра старыхъ, извѣстныхъ и Ломоносову. То, о чемъ Байеръ, Тунманъ и Шлецеръ не хотѣли слышать, что̀ Татищевъ и Болтинъ почитали „басеннымъ," — то есть, *Славянизмъ* нашихъ Руссовъ, проповѣданный Ломоносовымъ, обратился опять въ задачу, надъ рѣшеніемъ которой трудятся наши современники. — Тѣмъ необходимѣе, слѣдовательно, повторить здѣсь главныя положенія *Ломоносова*, который, замѣтимъ мимоходомъ, не вдругъ, а послѣ довольно продолжительныхъ *ученыхъ* приготовленій, выступилъ на историческое поприще (**), и который, по выраженію Шлецера, былъ оракуломъ для Русскихъ и въ Исторіи. Голосъ *Ломоносова* вездѣ важенъ, и его должно выслушать со вниманіемъ.

Не будемъ повторять доказательствъ Ломоносова „о дальней древности Славянскаго народа": тутъ видишь — употребимъ слова самого же Ломоносо-

---

(*) Которая по мнѣнію Болтина — старѣе Несторовой *близъ ста лѣтъ.*

(**) См. объ этомъ *Моск. Телегр.* 1827 г., Ч. XVIII, гдѣ помѣщенъ, подъ именемъ *послужнаго списка*, отчетъ Ломоносова въ его ученыхъ занятіяхъ съ 1751 по 1757 годъ.

ва: „слабыя спорныхъ мыслей основанія," несмотря на всю почитанность Автора и на свидѣтельства древнихъ, которые будто бы знали Славянъ въ Азіи подъ другими только названіями, еще „за многіе вѣки до разоренія Трои" (*). Обратимся къ изложенію его мнѣнія объ основателяхъ нашего государства. — „Неправедно разсуждаетъ, кто Варяжское имя приписываетъ одному народу. Многія сильныя доказательства увѣряютъ, что они отъ разныхъ племенъ и языковъ, и только однимъ соединялись обыкновеннымъ тогда по морямъ разбоемъ (**)." Отъ этого положенія, которое для него составляетъ аксіому, изслѣдователь прямо переходитъ къ Варяго-Руссамъ. По доказательствамъ, которыми убѣждался *Ломоносовъ*, выходитъ, что *Варяго-Руссы* одноплеменны съ *Пруссами*, и что тѣ и другіе *Славянскаго* племени. Углубляясь въ древность, *Ломоносовъ* находитъ, что Россы суть тоже, что Роксоланы, которые въ разныя, вѣроятно, времена съ береговъ Волги переселились на поморье Балтійское, потому-то имя Русь „широко по восточнымъ берегамъ Варяжскаго моря простиралось отъ лѣтъ давнихъ" (V, 130). И такъ Рюрикъ — Славянинъ и пришелъ къ намъ изъ Пруссіи: это для *Ломоносова* истина, въ пользу которой, кромѣ другихъ доказательствъ, представляетъ онъ и молчаніе сѣверныхъ писателей, „у которыхъ оный вѣкъ, когда Рюрикъ призванъ, съ довольными обстоятельствами описанъ" (141).

(*) См. Полное собраніе сочиненій Ломоносова. Ч. V. гл. 3.

(**) Ibid 124. По Ломоносову, и самое Варяжское море «*отъ воровства на Чудскомъ языкѣ сіе имя получило.*» 104.

Ревностнымъ послѣдователемъ Ломоносова недавно объявилъ себя Г. Профессоръ *Максимовичь* (*). Въ Ломоносовскомъ мнѣніи — пишетъ онъ — прежнія понятія о Руси сосредоточились и преобразились въ *систему историческую*, которая способна воспріять въ себя дѣйствительныя открытія новыхъ, другъ другу противоположныхъ системъ, — преобразить оныя въ новый видъ, и сама отъ нихъ развиться въ систему — *болѣе другихъ полную и совершенную* (**).

Вотъ въ чемъ состоитъ сущность его сочиненія. — Замѣтивъ, что Несторъ входилъ уже въ *соображенія* о началѣ прозванія Русской земли, и что Русская лѣтопись въ этомъ отношеніи представляетъ не простое сказаніе о событіяхъ, но *мнѣнія Историческія*, Авторъ говоритъ далѣе, что Несторъ начинаетъ собственно Русское Дѣеписаніе съ 866 года, а не за 10 лѣтъ до Рюрика, какъ полагали многіе, — и что названіе *Русской земли* онъ производитъ отъ *Руси*, ходившей въ 866 г. на Царьградъ, съ Аскольдомъ и Диромъ, которые, по этому, суть *первые* князья *Русскіе* въ *Кіевѣ*. — Но откуда и когда пришли въ Кіевъ эти Руссы, и какого они были племени? Вопросъ рѣшенъ такимъ образомъ. Изъ одного мѣста лѣтописи (***) видно, что Несторъ причисляетъ *Русь* къ *Варягамъ*, чѣмъ однакожъ не доказывается Скандинавское происхожденіе (стр. 18).

(*) См. его сочиненія: *Откуда идетъ Русская земля.* Кіевъ 1837. г.

(**) Ibid. 126, 136.

(***) *Лавр. сп.* 12. «Идоша за море“.... до „тако и си.“

Далѣе: Принимая посольство къ Варяго-Руссамъ и призывъ на княженіе какъ *событіе историческое*, Авторъ думаетъ, что Варяжская Русь у Нестора (который не сказалъ, отъ какихъ именно Варяговъ избрался Рюрикъ) скорѣе всего могли быть *Ружане* или *Руссы* острова Рюгена, и что Руссы пришли въ Новгородскую землю въ числѣ Рюриковой дружины, которой знатнѣйшую часть составляли однородные ему Варяги — Даны (*).

Приведя другое мѣсто изъ *Лавр.* списка (**), Г. *Максимовичь* говоритъ въ объясненіе, что Западные Варяги у Нестора считаются по порядку къ Западу; по ту сторону моря — Свеи, Урмане, по сю сторону — Русь, Англяне. Слѣдовательно, продолжаетъ онъ, западные Славяне на Южномъ поморіи, по Нестору, начинаются тамъ, гдѣ кончатся Поморяне, и простираются до *земли Волошской* (Франціи). А на этомъ пространствѣ отъ Одера до Эльбы, всплошь отъ Поморянъ жили также Славянскіе народы, которые у Нестора, очевидно, и относятся къ Варя-

---

(*) *Откуда идетъ Русская земля.* Стр. 22, 23. ср. 18, 25. Должно замѣтить, вопервыхъ, что Г. Максимовичь, слѣдуя Крузе (Ж. М. Н. П. 1836, N. 1), допускаетъ, что нашъ Рюрикъ есть одно лице съ *Рорикомъ* или *Рёрикомъ*, сыномъ Ютландскаго Короля Гальфдана; во вторыхъ, что посольство отправилось точно къ Варяго-Руссамъ и имъ проговорило рѣчь пригласительную;« но на оную, видно, изъ той Руси вызвались не Князья, а просто только охотники идти въ Новгородскую землю,-- и по *ихъ указанію* и *въ ихъ сопровожденіи* послы обратились съ своею рѣчью къ Рюрику, Князю *другихъ Варяговъ*, ближайшихъ къ той Руси.» стр. 20.

(**) Стр. 2. «Ляхове же, и Пруси, Чудь, и проч.

гамъ. „За Одеромъ жили *Руссы*, подъ разными видоизмѣненіями своего имени; но изъ всѣхъ ихъ, а можетъ быть, и для всѣхъ ихъ, у Нестора одно только имя — *Русь*." Такъ опредѣлены и мѣстопребываніе и Славянизмъ Руси.

А какъ является *Русь* въ Кіевѣ? Она перешла туда съ Аскольдомъ и Диромъ, такъ что съ уходомъ этихъ витязей отъ Рюрика въ Новгородскомъ Княженіи словно нестало Руси, говоритъ Авторъ: тамъ представляется намъ, по лѣтописямъ, только *Варяжскій родъ*, только *находники Варяги*, а *Русь* дѣйствуетъ въ то же время на Югѣ, и отъ нея въ Полянской землѣ начинается *Русская земля*. Указавъ на нѣкоторыя мѣста въ лѣтописяхъ, гдѣ упоминается имя *Варяга* и *Русина*, Г. Сочинитель пришелъ къ заключенію, что *Руссы* и *Варяги* въ нашихъ лѣтописяхъ принимаются какъ два различные, разноплеменные народа.

Варягами — собственно называются у Нестора всякой народъ Скандинавскаго племени; но западная, поморская Русь, племени и языка Славянскаго, у Нестора причисляется къ Варягамъ только по общему съ ними мѣстопребыванію, образу жизни и въ отличіе отъ Руси Восточной, Христіанской или правовѣрной. — „И такъ Кіевъ есть мать городовъ Русскихъ: *отсюда пошла земля Русская*." (*) Вотъ результатъ историческихъ поисковъ, плодомъ кото-

---

(*) По крайней мѣрѣ, нѣтъ сомнѣнія, что *Русь* и *Русскою землею* долгое время называется въ лѣтописи исключительно область Кіевская, съ нѣкоторыми сопредѣльными ей Княжествами.

рыхъ было разсматриваемое нами сочиненіе. Не представляя ничего новаго (*), это сочиненіе Г. *Максимовича*, по нашему мнѣнію, есть удовлетворительное развитіе одной стороны историческаго ученія Проф. *Каченовскаго* о Руси — именно о распространеніи ея отъ Юга на Сѣверъ, а не на оборотъ.

Ученіе Г. *Каченовскаго* слушавшимъ его историческіе уроки извѣстно давно; но письменно показывается оно въ послѣднихъ годахъ Вѣстника Европы, и наконецъ, изложено самимъ Профессоромъ въ отрывкѣ его Изслѣдованія о *Русской Правдѣ* (**). Названіе Руси въ слѣдствіе его соображеній и доводовъ происходитъ не отъ Сѣвера, куда прошли Варяги, а

(*) Кромѣ нѣкоторыхъ мнѣній автора, требующихъ доказательства, сюда принадлежитъ напримѣръ, мнѣніе его о избраніи Рюрика и толкованіе словъ: «отъ тѣхъ прозвася Руская земля, Новугородьци» (*Лавр. 12*). Вотъ толкованіе Г. *Максимовича*: *Русская земля* такъ прозвалась отъ Руссовъ; Новгородцами назвались на своемъ новосельи водворившіеся въ Новгородѣ Князья съ родомъ своимъ Варяжскимъ; а отъ тѣхъ уже находниковъ — Варяговъ прозвались Новгородцами и старожилы Славяне. См. *Откуда идетъ Р. Земля*, стр. 28, 29.

(**) См. *Уч. Зап. Моск. Унив.* 1835 г. Тамъ же помѣщенъ и другой трактатъ его о кожаныхъ деньгахъ, нѣкоторыя статьи написаны слушателями Г-на Профессора въ его духѣ: О *баснословномъ времени въ Рос. Исторіи*; О *Пользѣ ученія Р. Исторіи въ связи со Всеобщею*; О *времени и причинахъ вѣроятнаго переселенія Славянъ на берега Волхова*, и др. Онѣ помѣщены въ *Учен. Зап. Моск. Университета.*

напротивъ — отъ Юга на Сѣверъ (*). - Г. *Морошкинъ*, убѣждаясь въ томъ, смѣло пошелъ далѣе, и *славянизмъ* нашихъ Руссовъ подтвердилъ новыми доказательствами (**). Не входя въ подробный разборъ, представляемъ результатъ изслѣдованій Г. *Морошкина*. «Послѣ всѣхъ вышеприведенныхъ свидѣтельствъ едвали можно сомнѣваться въ *Славянскомъ* происхожденіи Балтійскихъ Руссовъ, особо упомянутыхъ самимъ Несторомъ, а слѣдственно и нашихъ Руссовъ, основателей Россійскаго Государства. Отечествомъ ихъ должно полагать рѣки Эльбу, Одеръ и Вислу».... (361). Не смотря на возраженія (***), документальныя доказательства Г. *Морошкина* несомнѣнно

(*) Г. *Каченовскій* вслѣдъ за историкомъ Ганзы, полагаетъ, что *Руссы* Новгородскіе оффиціально дѣлаются извѣстными не ранѣе *второй половины XII вѣка. Въ* этомъ отношеніи замѣчательна привилегія Имп. Фридриха I. Любеку, 1188 г. — Тамъ сказано: Ad hec, ut cum mercibus suis libere eant et redeant per totum ducatum Saxonie... *Ruteni*.... et ceteri gentes orientales.... *Urkundl. Gesch.* изд. Лаппенб. II, 9. — *Rutia*, упоминаемая въ граммат̂ѣ 1165 г. отъ Рейнольда, Архіеп. Кельнскаго, не есть наша Россія, какъ доказалъ Лаппенбергъ. Ich vermuthe es soll Dacia et *Ruiia* heissen, das Letztere ist *Rugen*, говоритъ онъ, II, 7. и 8. Въ противномъ случаѣ этотъ документъ Нѣмецкаго города (Мадебаха), по замѣчанію ученаго издателя Исторіи Ганзы, былъ бы первымъ, въ которомъ говорится о непосредственной торговлѣ съ Россіею.

(**) См. изданный имъ на Русск. языкѣ «Опытъ Исторіи Росс. государственныхъ и гражданскихъ законовъ.» М—ва, 1836 — *О происхожденіи Руссовъ*, 335 — 364.

(***) См. *Библ. для чт.* 1838, Сентябрь. *О новооткрытыхъ Славянскихъ Руссахъ.*

должны войти въ сумму другихъ доказательствъ славянизма Руссовъ.

Варяги — другая задача, надъ рѣшеніемъ которой доселѣ трудятся наши изыскатели. Самое названіе Варяговъ составляетъ еще предметъ спора (*). Проф. *Каченовскій* и здѣсь дѣлаетъ рѣшительное отступленіе отъ мнѣнія обще-принятаго: онъ находитъ точку соприкосновенія между Ильменскимъ Новгородомъ и Варяжскимъ (Вагирскимъ) Старгардомъ, то есть, онъ считаетъ Варягами Вагировъ, народъ *Славянскаго* племени, обитавшій въ Вагріи, или нынѣшней Голштиніи. И Г. *Морошкинъ*, изслѣдуя Варяговъ, и допуская, что это былъ сбродъ всякаго рода людей, думаетъ, что »первые Варяги были преимущественно *Славяне*, а именно Старгардскіе Вагры и Варны, или Руги (Varni—Rugi), какъ древнѣйшіе моряки и разбойники» (**).

Остается упомянуть о мнѣніи Г. *Булгарина*, которое въ существѣ своемъ есть только возобновленное имъ мнѣніе Фатера (***). Вотъ въ чемъ главное. «Мы полагаемъ навѣрное — говоритъ авторъ «Россіи» — что такъ называемые *Роксаланы* назывались *Россами* или *Россоландами*, и что изъ эта-

---

(*) См. объ этомъ въ Разсужденіи Г. Погодина: *О происхожденіи Руси*, 83 и слѣд.

(**) Примѣчанія къ «Опыту» Рейца, 372. Г. *Венелинъ* за Варяговъ принимаетъ Померанцевъ, полагая, что Несторъ Варягами называлъ только *Померанскихъ* Славянъ, См. его статью — *Скандинавоманія*, въ Моск. Наблюд. 1836 г.

(***) См. его Исторіи Ч. III.

го имени, по недоразумѣнію, произшло названіе *Роксолановъ*, отъ неправильнаго употребленія буквъ. Россы или Росландцы, по нашему мнѣнію, есть племя *Готское*, т. е., *Германское*, и въ древнѣйшія времена обитало, вмѣстѣ съ Готами, близъ Азовскаго моря и Дона.» Народъ Готскій состоялъ изъ множества племенъ, и между Готами, безъ сомнѣнія, была фамилія, или кланъ, *Россъ*. «Этотъ кланъ, отдѣлившись отъ главнаго племени, вовремя войнъ Митридатовыхъ, и составивъ сильное племя союзами съ другими кланами, удержалъ названіе *Россъ*, и называлъ свои земли *Россландъ*, а себя *Россоландами* (*). Другая часть *Россоландовъ* потянулась къ Сѣверу, дошла до Нѣмана и при устьѣ этой рѣки основала постоянное поселеніе. — «Вотъ настоящее, по нашему мнѣнію, мѣстопребываніе *Россовъ* или *Руссовъ*, древнихъ *Россоландовъ*, въ которомъ они сдѣлались извѣстными *Славянамъ*.» — Эти надънѣманскіе *Руссы*, при общемъ стремленіи всѣхъ прибрежныхъ жителей къ морскимъ набѣгамъ, названы были *Норманнами*, и поступая въ дружины наемниковъ или охотниковъ, получили прозваніе *Варяговъ* или *Варинговъ*. — «Предположеніе наше о Руссахъ« — заключаетъ Авторъ, — »основанное на историческихъ выводахъ и здравомъ смыслѣ, если покажется неправильно нѣкоторымъ изыскателямъ Исторіи, то во всякомъ случаѣ они не могутъ опровергнуть его ис-

---

(*) Это *Руссы Черноморскіе*, которые «были одноплеменники *Руссовъ Балтійскихъ*, тоже Готское племя, изъ клана или поколѣнія *Россовъ Россоландовъ*, не правильно названныхъ *Роксоланами*, и которые были коренные жители Княжества Тмутараканскаго.» См. его Ист. Ч III, 322—335.

торическими фактами, ибо *всѣ мнѣнія о происхожденіи Руссовъ, понынѣ изложенныя, основаны на однѣхъ догадкахъ.»* — Для избѣжанія подробностей, замѣтимъ здѣсь вообще, что Ломоносовское мнѣніе о происхожденіи нашихъ Руссовъ отъ Роксоланъ повторили въ нынѣшнемъ десятилѣтіи новые изыскатели Русской Исторіи — *Венелинъ*, *Бутковъ* и *Бодянскій*; только Роксоланъ они принимаютъ различно: одинъ видитъ въ нихъ Славянъ, другой — Финновъ, третій — народъ Турецкаго племени.

И такъ Руссовъ, основателей Государства Россійскаго, выводятъ: изъ Швеціи, Финляндіи, Пруссіи, съ береговъ Чернаго моря, изъ Хазаріи, изъ Ютландіи (Крузе), съ острововъ Ферерскихъ (Вельтманъ), и пр. и пр. Одни говорятъ, что Руссы — Славяне; другіе увѣряютъ, что это настоящая нелѣпость; одни ведутъ насъ за Рюрикомъ въ Ютландію, — другіе — въ прибoтническій *Рюсса-ландъ*; всѣ указываютъ на Нестора, какъ на главнаго путеводителя, и между тѣмъ всѣ расходятся въ разныя стороны. Вѣримъ, что новый доводъ въ пользу Скандинавскаго происхожденія Руссовъ, представленный учеными нашими Академиками, *Френомъ и Кругомъ* силенъ и очень важенъ (*); но какъ отвергнуть другіе, которыми доказывается сродство Руси съ Финнами, Готами, прибалтійскими Славянами? По крайней мѣрѣ разсматривая всѣ ученія о Руси безпристрастно, не имѣя ни одной любимой гипотезы, всякой въ правѣ сказать съ Ломоносовымъ: *вѣроятности* отрещись не могу; *достовѣрности* не ви-

---

(*) См. *Библ. для чт.* 1838, Августъ.

жу. — Вотъ *общая мысль*, которая просвѣчиваетъ сквозь чащу разнообразныхъ доказательствъ и мнѣній о происхожденіи Руси, когда проходишь это полѣсье или эту *Русскую Палестину* (*)... Когда же прекратятся «усобицы», и гдѣ мы «поищемъ собѣ Князя, иже бы володѣлъ нами и судилъ по праву?» Подождемъ и, въ ожиданіи, «на прежнее возвратимся.«

Такимъ образомъ *Байеръ*, *Миллеръ*, *Шлецеръ* суть основатели нашей исторической Критики, родоначальники всѣхъ историческихъ мнѣній. Но эти мнѣнія, болѣе или менѣе, измѣнились въ наше время и въ слѣдствіе новыхъ способовъ, и въ слѣдствіе новаго взгляда на Исторію. Потому благодарность запрещаетъ умолчать и о другихъ писателяхъ, которые, исправивъ ошибки и дополнивъ недостатки нашихъ первоучителей, оказали также существенную пользу Русской Исторіи. Время не позволяетъ намъ представить посильный отчетъ во *всемъ*, чтó сдѣлано въ пользу отечественнаго бытописанія въ текущемъ столѣтіи, прежде и послѣ явленія исторіи Государства Россійскаго: мы должны ограничиться главнѣйшимъ, тѣмъ, чтó прямо относится къ трудамъ собственно критическимъ. Въ этомъ отношеніи, кромѣ *Струбе*, Миллерова современника, который поддерживалъ Байерово мнѣніе о Руссахъ, особенное вниманіе заслуживаютъ:

(*) Повторяю слова Г. *Максимовича*, сказанныя имъ по другому случаю.

ЛЕРБЕРГЪ (*),

принадлежащій къ числу тѣхъ людей, которые живутъ для свѣта, наукъ, друзей, знакомыхъ, въ неутомимой дѣятельности, но безъ славы и пышности (**). — Почтенный Издатель Лерберговыхъ сочиненій исполнилъ возложенное на него порученіе Академіи съ совершеннымъ увѣреніемъ, что „ученый свѣтъ получитъ болѣе пользы отъ Лерберговыхъ, нежели отъ собственныхъ его сочиненій.“ Въ этихъ словахъ заключается лучшая похвала, какою только можно похвалить *Лерберга*. — Изъ ученыхъ трудовъ его напечатано *шесть* изслѣдованій, объясняющихъ Древнюю Исторію Россіи, и написанныхъ съ глубокимъ знаніемъ дѣла, съ необыкновеннымъ даромъ открывать и связывать все безъ натяжки.

1. О *Географическомъ положеніи и Исторіи Югорской земли.* Татищевъ, Миллеръ, Болтинъ, Шлецеръ и другіе опредѣляли ее каждый по своему, но такъ — говоритъ *Лербергъ* — что ни одинъ изъ нихъ не привелъ доказательствъ въ подкрѣпленіе своего мнѣнія. — Самъ Авторъ, внимательно разсмотрѣвъ всѣ относящіяся сюда извѣстія, пришелъ къ слѣдующему заключенію: „Древняя Югрія про-

---

(*) Изслѣдованія, служащія къ объясненію Древней Русской Исторіи, А. Х. Лерберга. Пер. Д. Языковъ. С. П. Б. 1819.

(**) См. *Библіогр. извѣстія о Лербергѣ при его сочиненіяхъ.*

стиралась между 56° и 67° С. Ш., отъ самаго Сѣвернаго конца *Урала* на Востокъ чрезъ нижнюю *Обь* до рѣки *Надыма*, впадающей въ Обскую губу, и до *Агана*, который, выше *Сургута*, впадаетъ въ *Обь*.“ Слѣдовательно, Югрія занимала значительную часть Сѣверо-Западной Азіи и состояла преимущественно изъ мѣстъ, принадлежащихъ нынѣ къ *Тобольской* и *Пермской* Губерніямъ. — Вотъ тема, предварительно выраженная авторомъ, и развиваемая съ математическою послѣдовательностію. — Обозрѣвая Исторію земли Югорской, *Лербергъ* критически пользуется всѣми источниками, отечественными и иноземными; сообщаетъ любопытныя и важныя извѣстія о торговлѣ смѣлыхъ Новгородцевъ въ этой странѣ; о постепенномъ утвержденіи тамъ владычества Русскаго и объ окончательномъ покореніи земли Югорской, имя которой донынѣ удержалось въ титулѣ нашихъ Государей.

2. *О жилищахъ Еми*, или *Ями*. — Предшествовавшіе *Лербергу* изыскатели Русской Исторіи только гадательно опредѣляли мѣсто-пребываніе этого народа, который такъ часто, въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ, встрѣчается въ нашихъ лѣтописяхъ, и встрѣчается иногда, по выраженію *Лерберга*, въ приманчивыхъ обстоятельствахъ. Байеръ принималъ *Емь* за *Ярменсовъ* (*); Татищевъ утверждалъ, что *Емь* жила на Сѣверной сторонѣ *Ладожскаго* озера, отъ *Кареліи* до *Двины*; Болтинъ объявилъ ее за

(*) Народъ, о которомъ такъ говоритъ *Гервасій* (писавшій около 1211 г.): *Inter Poloniam et Livoniam sunt pagani, qui Jarmenses dicuntur; ex hinc versus septemtrionem est Livonia.* См. Лерберга.

Кареловъ; Миллеръ, основываясь только на простомъ сходствѣ имени, искалъ ее около *Ямбурга*; Шлецеръ принялъ мнѣніе Миллера, а Стриттеръ присталъ къ Щербатову, который поселилъ Емь въ Ливоніи и Естоніи. И ни одинъ изъ нихъ, бродя по распутіямъ на обширномъ пространствѣ, отъ Нѣмана и Рижскаго залива до Двины и Бѣлаго моря, не нашелъ прямой дороги къ жилищамъ *Еми. Лербергъ* доказалъ, что *Емь* былъ народъ *Финскаго* происхожденія и обиталъ въ Юго-Западной части нынѣшняго В. Княж. Финляндскаго. Это мнѣніе имѣетъ теперь силу положительной истины, и сколько намъ извѣстно, всѣми принято (*). Этотъ народъ, долго враждовавшій съ Русскими, сдѣлался въ свое время добычею Новгородцевъ и яблокомъ раздора между Шведами и вольнымъ нашимъ Новгородомъ. Потому у *Лерберга* читатели найдутъ полную Исторію этой борьбы, изложенную со всѣми любопытными и важными обстоятельствами, до которыхъ едва-едва касались предшествовавшіе *Лербергу* Русскіе Историки.

3. *Объ одной Древней Новгородъ-Готландской Грамматѣ, и о Борхрамѣ, который въ ней называется.* — Дрейеръ въ сочиненіи своемъ: *Specimen juris publici Lubecensis,* напечаталъ списокъ съ одной грамматы, важной по содержанію, и думалъ, что она заключала въ себѣ данную Любчанамъ привилегію, и именно отъ Новгородскаго Князя Борхрама. Испытательный взоръ *Шлецера* устре-

---

(*) Дополнительныхъ извѣстій объ этомъ народѣ Г. Академика *Шегрена* я не имѣлъ случая прочесть.

мился и на Дрейерово открытіе и нашелъ, что *почтенная ржавчина, покрывающая эту древность, очень замѣтна;* но *Шлецеръ* вмѣстѣ съ Сарторіемъ, полагалъ, что это — только проэктъ Нѣмецкихъ и Готландскихъ купцовъ, не получившій утвержденія; а *Борхрамъ*, по его мнѣнію, *Борисъ* Андреевичъ, сынъ Невскаго (*). *Лербергъ*, напротивъ, принималъ эту граммату за актъ, „приносящій настоящую честь древнимъ Новгородцамъ и ихъ правленію," и написанный, какъ заключалъ онъ по весьма вѣроятнымъ причинамъ, въ 1202 году (**). Борхрамъ не Борисъ и вообще не имя собственное, но немного испорченное слово Borchravius (Burggraf), которымъ на латыни средняго вѣка очень прилично можно было выражать, и дѣйствительно выражалось, Русское названіе *Посадника*. Догадка *Лерберга* о мнимомъ Королѣ Борхрамѣ совершенно основательна, какъ открылось вскорѣ послѣ его смерти (*Лерб.* XI). — Эта же статья пригодится и для будущаго Историка торговли Новгорода съ Нѣмецкими городами: въ ней много матеріяловъ критически разсмотрѣно.

4. *Князья Владиміръ Андреевичъ и Владиміръ Мстиславичъ.* Критическое пособіе къ исправленію нашихъ лѣтописей.

5. *Описаніе Днѣпровскихъ низовій и пороговъ, служащее къ объясненію древнѣйшихъ извѣстій объ оныхъ.* Здѣсь удовлетворительнѣе, нежели Струбе

(**) *Шлец. Нест.* II, 301.

(**) Покрайней мѣрѣ, нѣтъ сомнѣнія, что она принадлежитъ къ XIII в. Г. *Кругъ* полагаетъ, что ее можно отнести къ 1231 г. См. *Лерб.* XII. Замѣчанія объ

и Тунманъ, авторъ объяснилъ *Русскія* названія *семи* Днѣпровскихъ пороговъ, сохраненныя Им. Константиномъ, и тѣмъ придалъ новую доказательную силу мнѣнію о Скандинавскомъ происхожденіи основателей Русской Державы. Разумѣется, что другіе толковали эти Русскія имена по своему: Кн. Щербатовъ, напримѣръ, почиталъ ихъ Хазарскими, Болтинъ Венгерскими, и проч., (*).

6. *О Географическомъ положеніи Хазарской крѣпости Саркела и называемой въ Русскихъ лѣтописяхъ Бѣлавежа.* — *Делиль* первый опредѣлилъ мѣсто, гдѣ находилась сія крѣпость Хазарская: *въ вершинахъ Донца, въ странахъ нынѣшняго Бѣлгорода.* Мнѣніе это, подтвержденное Байеромъ, единогласно повторили Татищевъ, Стриттеръ, Гаттереръ и многіе другіе. Имп. Конст. Багрянородный, которому мы обязаны первыми извѣстіями о Саркелѣ, пишетъ, что эта крѣпость построена Грекомъ Петроною, по просьбѣ Хазарскаго Хана, въ царствованіе Имп. Өеофила, и что *Саркелъ*, на языкѣ Хазарскомъ, значитъ *Бѣлая Гостинница* (Ἄσπρον ὁσπίτιον). *Лербергъ*, внимательно пересмотрѣвъ акты, на которыхъ утверждалось принятое мнѣніе, — сличивъ греческія извѣстія между собою и съ объясненіями новѣйшихъ толкователей, нашелъ, что *Бѣлая Вѣжа* разрушенная *великаномъ* нашаго сумрака, Святославомъ, находилась, при устьѣ Дона, тамъ же почти,

---

этой грамматѣ см. въ *Истор. Ганзы*, изд. *Лаппенбергомъ*, II, 29 и слѣд.

(*) Объ этомъ подробно можно читать въ Разсужденіи М. П. Погодина о происхожд. Руси, 55—72.

гдѣ нынѣшній Азовъ, не выдавая впрочемъ своего мнѣнія за несомнѣнное. Довольствуясь истребленіемъ закоренѣлаго предразсудка, который могъ дѣлать такъ много запутанности въ Исторіи, *Лербергъ* не смѣлъ однакожъ опредѣлить съ точностію мѣстоположеніе Саркела, и надѣялся, что случай или дальнѣйшіе поиски откроютъ можетъ быть, въ той странѣ развалины мѣста, которое столь отлично въ наукѣ о древностяхъ, и которое останется навсегда замѣчательнымъ для знатока отечественной нашей Исторіи (*). — Тутъ же *Лербергъ*, по связи объясняетъ одно мѣсто въ Игоревомъ договорѣ съ Греками: «и да не имѣетъ Русь власти зимовати въ устьѣ Днѣпра, (въ) Бѣлобережи, ни у Св. Елеѵѳерія; и проч. (**)

a.) Въ *Устьѣ Днѣпра* т. е. — говоритъ *Лербергъ* — во всемъ нынѣшнемъ *Лиманѣ*, называемомъ отъ Им. Константина, во время котораго договоръ былъ заключенъ, *устьемъ* (Στομιον) *Днѣпра.*

b) Въ *Бѣлобережи*. Такъ, по мнѣнію Критика, должно читать, вмѣсто *Бѣловежи*, какъ сказано въ нѣкоторыхъ лѣтописахъ (***). Это только разнословіе,

---

(*) См. *Лерб.* 370 и 371. Любопытныхъ изысканій о томъ же Гг. *Френа и Клапрота* я не могъ прочесть. Мнѣніе Г. *Булыгина* «о названіи и мѣстоположеніи Саркела или Бѣлой Вежи» — знаю. См. Ж. М. Н. П. 1736 Ч. IX; см. также Истор. Г. Р. I, прим. 90 и V, пр. 133. Во время хожденія Пимена къ Царьграду Саркелъ былъ уже «точію городище.»

(**) *Кенигсб.* сп. 42.

(***) На пр. въ Суздальской. V Частей С. П. Б. 1792.

котораго принять не льзя, и должно читать: *Бѣлобережъ* — мѣсто, гдѣ нынѣшній *Севастополь,* по-татарски *Ахтіяръ*, чтó совершенно соотвѣтствуетъ Славянскому *Бѣлобережье.*

c) *У Св. Елеуферія.* Это, по мнѣнію *Лерберга*, церковь въ Константинополѣ, которая очень легко можетъ обозначать *Ѳеодосіевскую* гавань; ей нѣкоторые писатели дѣйствительно придаютъ названіе *Елеуферской.*

Э В Е Р С Ъ.

Два сочиненія его особенно замѣчательны: a) *Предварительныя критическія изслѣдованія касательно Россійской Исторіи*, и b) *Древнѣйшее Русское Право въ Историческомъ его разскрытіи* (*). Въ первомъ изъ этихъ сочиненій, *Эверсъ,* какъ уже замѣчено, является родоначальникомъ новаго ученія объ основателяхъ нашего Государства — мнѣнія, рѣшительно противоположнаго Байерову. Разсмотрѣвъ всѣ положенія Байера, Шлецера и ихъ послѣдователей о происхожденіи Руссовъ, и представивъ, по его мнѣнію, убѣдительныя доказательства непорочности ихъ доводовъ, *Эверсъ* переходитъ ко второй главной части своего изслѣдованія, гдѣ, большею частію на основаніи Восточныхъ писателей, старается доказать, что *Варяго-Руссы* суть племя *Хазарское*, и пришли къ намъ отъ береговъ Чернаго моря, а не изъ-за-Балтійскаго. Это сочиненіе, какъ извѣстно, есть

(*) Оба переведены на Русскій: пер. Проф. Погодинымъ, 1825 г.; второе Ив. Платоновымъ 1835 г.

только болѣе обстоятельное развитіе мнѣнія, которое *Эверсъ* высказалъ еще въ 1808 году, въ книгѣ своей: *Von Urspringe des Russischen Staats;* извѣстно и то, что въ другой книгѣ: *О жилищахъ древнѣйшихъ Руссовъ*, изданной Г. N, *Эверсъ* уже явно отказывается отъ Хазарскаго происхожденія Руси (*). Безпристрастные согласятся, что *adhuc sub judice lis est*, и что сочиненіе *Эверса*, если не въ отношеніи къ главному мнѣнію, то, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи къ нѣкоторымъ отдѣльнымъ изысканіямъ, имѣетъ догматическую важность для желающихъ изучить историческую нашу Критику.

И второе сочиненіе *Эверса* дѣлится также на двѣ части. Въ первой онъ излагаетъ развитіе Права въ продолженіе языческаго періода Русской Исторіи; во второй, развитіе Права по введеніи Христіанства до княженія Изяслава. »Это сочиненіе — говоритъ Рецензентъ *Эверса* — есть *внутренняя* и вмѣстѣ *Внѣшняя Исторія Русскаго Права*, Государственнаго и Гражданскаго, въ первый періодъ нашей Исторіи, т. е. до вторичнаго вступленія Ярослава Великаго на престолъ Кіевскій — періодъ весьма важный въ томъ отношеніи, что онъ заключаетъ въ себѣ зародышъ всего будущаго устройства удѣльныхъ княжествъ Русскихъ... Стараясь вездѣ въ голыхъ, безсвязныхъ фактахъ открывать *мысль*, которая въ нихъ выражается, или *связь прагматическую*, *Эверсъ* часто долженъ прибѣгать къ остроумнымъ догадкамъ, болѣе или менѣе правдоподоб-

(*) Книга эта переведена на Русскій М. П. *Погодинымъ*, примѣчаніями котораго всѣ главныя положенія Г. N.— опровергаются. —

ными, для дополненія недостатка извѣстій о тогдашнемъ устройствѣ государственномъ." (*) Смотря съ своей точки зрѣнія, Авторъ старается найти основанія всѣмъ нравственнымъ и гражданскимъ дѣяніямъ, и всему придать видъ явленія естественнаго, которое непремѣнно долженствовало произойти по началу, тогда дѣйствовавшему. (См. *Предисловіе* Переводчика). Такимъ образомъ Олегъ уже не похититель престола; *свѣтлые Князья*, находившіеся подъ *рукою* Олега, не вассалы, какіе были въ другихъ Европейскихъ государствахъ; Святославъ (Отд. IV, гл. VI, стр. 93—106) оправданъ отъ укоризны Шлецера (Нест. III, 526) и Карамзина (I, 179), которые готовы были произнесть надъ нимъ проклятіе, какъ надъ виновникомъ «пагубнаго примѣра раздѣловъ;» не убійца (въ нашемъ смыслѣ слова) и Владиміръ, умертвившій своего брата: Ярополкъ палъ, какъ жертва частнаго мщенія, которое для родственниковъ было тогда священною обязанностію, и если надлежитъ сожалѣть, что Владиміръ, язычникъ, не могъ при семъ случаѣ возвыситься надъ понятіями своего времени, то, по крайней мѣрѣ, мы должны судить о немъ сообразно симъ понятіямъ (стр. 117 и 118). *Эверсъ* старается даже оправдать окаяннаго Святополка, который *исполнився беззаконія, Каиновъ смыслъ пріимъ*; его — этаго злаго плода отъ грѣховнаго корене — если держаться со всею строгостію исторической истины, даже и нельзя назвать братоубійцею (**).

(*) См. Ж. М. Н. П. 1836, Ч. IX, стр. 637.

(**) Кн. II, 265—278. Бар. Розенкампфъ сдѣлалъ на это мѣсто замѣчаніе. См. его Обозр. Кормч. Кн., 225 въ примѣчаніи.

Въ VI отдѣленіи первой книги *Эверсъ* разсматриваетъ писменные законы: Договоры Олега и Игоря съ Греками, и это отдѣленіе, безъ сомнѣнія, составляетъ лучшую часть всего сочиненія. Разсматривая переговоры, предшествовавшіе заключенію того и другаго трактата, Авторъ находитъ въ обоихъ случаяхъ замѣчательное единообразіе; но не смотря на сходство обрядовъ, договоры весьма между собою различны и по формѣ, и по содержанію. Изъ различія формы *Эверсъ* заключаетъ, что Олеговъ договоръ есть *главный*, составленный въ видѣ дѣйствительнаго договора между двумя самостоятельными народами; договоръ Игоревъ есть только *дополненіе* къ Олегову. И содержаніе обоихъ трактатовъ вовсе различно. «Въ первомъ — говоритъ *Эверсъ* — общія статьи направлены ко взаимной пользѣ обоихъ народовъ, и слѣдовательно здѣсь представляется такое согласіе, какое народы обыкновенно дѣлаютъ тогда, когда въ первый только разъ вступаютъ въ дружественныя связи между собою; напротивъ въ послѣднемъ договорѣ содержатся только постановленія, исключительно относящіяся къ пользѣ Грековъ, которые потому и вводятся здѣсь одни говорящими и требующими.»

Говоря о *Русской Правдѣ* — «объ этомъ корнѣ, изъ котораго исходитъ величественное родословіе нашего законодательства» — *Эверсъ* старается доказать, что она есть не что иное, какъ обычаи, которые уже существовали, и которымъ Ярославъ далъ только твердую, неизмѣнную форму; что она, слѣдовательно, совершенно сообразна съ политическимъ состояніемъ Россіи при Ярославѣ, и что она въ полномъ смыслѣ есть *Русская* Правда, сложен-

ная изъ своихъ собственныхъ стихій, самостоятельная, ни откуда незаимствованная. *Эверсъ* доказываетъ также, что Правда Ярослава соотвѣтствовала своему названію, т. е. была Правдою *для цѣлой* Россіи (*). — Вообще въ разсматриваемомъ сочиненіи *Эверса* много новыхъ соображеній и новыхъ выводовъ; объяснено, болѣе или менѣе удовлетворительно то, что̀ служило камнемъ преткновенія и Критикамъ и Историкамъ; »многія дѣянія въ томъ видѣ, какъ они представлены лѣтописцемъ, бывъ подвергнуты пробному дѣйствію принятаго Авторомъ начала, не выдержали испытанія, и въ слѣдствіе того получили другой, болѣе сообразный смыслъ» (**). И если — говоримъ опять словами Г. Переводчика — если такія преоблаченія былей и покажутся кому неправильными, насильственными, то, по крайней мѣрѣ, все согласнѣе съ разумомъ видѣть многозвенную цѣпь дѣяній прикрѣпленною къ *какой нибудь* точкѣ, нежели висящею *ни* на *чемъ*.

(*) Дальнѣйшимъ поясненіемъ Русской Правды занимались особенно Гг. *Каченовскій* и *Морошкинъ*. Бар. *Розенкампфъ*, разсматривая Корм. Кн, упомянулъ только о главныхъ обстоятельствахъ, относящихся къ нашей Правдѣ.

(**) Къ числу самыхъ смѣлыхъ поправокъ принадлежитъ возмущеніе Ярослава, которое Эверсъ рѣшительно называетъ *мнимымъ*, и видитъ въ немъ не бунтъ сына противу отца, а *планъ политическій*, составленный отцемъ и сыномъ, *прикровенную мѣру для* обузданія Новгорода, который становился могущественною Державою. *Древн. Р. Право* 290—295.

КРУГЪ,

одинъ изъ ученѣйшихъ современныхъ писателей, душею привязанныхъ къ Русской Исторіи и ей исключительно посвящающихъ всю умную свою дѣятельность. Онъ издалъ два сочиненія: а) *Критическія изысканія о древнихъ Русскихъ монетахъ*, и b) *Объясненіе Византійской Хронологіи относительно Древней Русской Исторіи* (*). — Если первое изъ этихъ сочиненій не представляетъ полной, удовлетворительной системы монетнаго дѣла въ нашемъ отечествѣ, и важно только какъ опытъ, какъ матеріалъ для будущихъ нашихъ Нумизматовъ: то второе удовлетворяетъ всѣмъ притязаніямъ Критики самой привязчивой: каждое хронологическое показаніе есть аксіома, которой не льзя опровергнуть, по крайней мѣрѣ при настоящихъ лѣтописныхъ пособіяхъ. — Чувствуя важность этого труда, мы невольно увлекаемся въ подробности, которыя, надѣемся, лучше всего, оправдаютъ наше мнѣніе. — Читая предисловіе, гдѣ Авторъ изложилъ правила, какими руководствовался при изслѣдованіяхъ, видишь, что труда, соображенія, терпѣнія нужно было множество: для опредѣленія Хронологіи отдѣльнаго событія иногда необходимо было пройти, со свѣточемъ Критики, цѣлый темный рядъ царствованій, а не одно, къ которому относится событіе! — Какъ человѣкъ, который все перечиталъ, все сооб-

---

(*) Kritischer Versuch zur Aufklaerung der Byzantischen Chronologie, mit besonderer Rücksicht auf die frühere Geschichte Russlands. v. Ph. Krug. Спб. 1810.

разилъ, все повѣрилъ Критикою, — словомъ, какъ богачъ историческими свѣдѣніями, — Г. *Кругъ* смѣло вступаетъ въ состязаніе съ *Дюканжемъ*, *Байеромъ*, *Риттеромъ*, *Гиббономъ*, преимущественно съ *Пагіемъ* и *Шлецеромъ*. Да и самъ Шлецеръ желалъ, чтобы Г. *Кругъ* посвятилъ его *Нестору* все заботливое вниманіе. Въ *Геттингенскихъ Ученыхъ Вѣдомостяхъ* (11 Окт. 1806) онъ пишетъ: „Пусть будетъ Кругъ моимъ Контролеромъ, пока я писать въ силахъ: тѣмъ лучше для меня и для него, — но это не важно — тѣмъ лучше для истины и для достоинства Русской Исторіи» (*).

Выше было замѣчено, что Шлецеръ первый ученымъ образомъ разсмотрѣлъ договоры Кіевскихъ Князей съ Греками — и первый изъявилъ сомнѣніе въ ихъ достовѣрности. До настоящаго времени, никто съ такимъ торжественнымъ успѣхомъ не вступалъ съ нимъ въ состязаніе, какъ Г. *Кругъ* въ *Визант. Хронологіи*. Почитаемъ обязанностію представить сомнѣнія Шлецера и поправки его Контролера вполнѣ: предметъ важенъ и заслуживаетъ полное вниманіе любителей отечественной Исторіи. Замѣтимъ предварительно, что поправки относятся собственно къ Хронологіи.

А. *Шлецеръ* говоритъ (*); «Договоръ подписанъ въ 912 году, въ Сентябрѣ: царствовавшими тогда Императорами называются Левъ, Александръ и Константинъ. Все это невѣрно!» — Г. *Кругъ* отвѣчаетъ:

(*) Все это сокращенно заимствовано изъ предисловія къ Виз. Хронологіи.

(**) *Нест.* III, 339; въ Русск. пер. II, 753.

Договоръ, безъ сомнѣнія, подписанъ въ *Сентябрѣ*, и именно *во 2е Воскресенье Сентября, въ 8й день мѣсяца*, 15 *Индикта*, *6420 года*, — что́, полагаю, удовлетворительно доказалъ я въ повѣркѣ Русскихъ лѣтописей. Но 6420 годъ Русскихъ лѣтописей, показанный единогласно, продолжается, какъ хорошо извѣстно Шлецеру, отъ 1 Сентября 911 по 31 Августа 912; слѣдовательно, здѣсь идетъ рѣчь о Сентябрѣ 911, а не 912 года.

B. *Шлецеръ* продолжаетъ: «Левъ царствовалъ съ 1 *Марта* 886 по 11 *Мая*». По доказательствамъ Г. *Круга*, Левъ скончался 11 Мая 912 года. (*) «Александръ никогда не царствовалъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ Львомъ, но былъ только его преемникомъ, и умеръ 7 *Іюня* 912.» (**). — Но Г. *Кругъ* приводитъ несомнѣнныя доказательства о соправительствѣ Александра со Львомъ (109. 110), и потому несправедливо порицаетъ Шлецеръ (***) двойственное число, употребляемое Русскими лѣтописями для означенія, что оба они царствовали вмѣстѣ.

C. *Шлецеръ*: «Какимъ же образомъ оба они подписали договоръ въ *Сентябрѣ* 912 года?» — Не 912, отвѣчаетъ Г. *Кругъ*, а 911 года. И тогда Левъ могъ не только подписать договоръ, но еще и послѣ того, какъ пишетъ Несторъ, могъ показать языческимъ Руссамъ дворцы, церкви и мощи св.

(*) *Визант. Хронол.* 9, 81, 86 и въ др. мѣстахъ.

(**) Александръ умеръ въ 913 г., Іюня 6. Ibid. 91, 92, 126 и 143.

(***) *Нест.* III, 94; въ Русск. пер. II, 309.

Угодников, какъ все это, за годъ предъ симъ, показано было Сарацинамъ (*).

D. *Шлецеръ*: «Константинъ, родившійся 905 г., былъ тогда еще ребенкомъ: по смерти отца своего, Льва, онъ былъ по 7 году, а послѣ дяди своего, въ 912 году, вступилъ на престолъ, подъ опекою». — И тутъ ошибка. Если Константинъ родился въ 905 г., послѣ явленія кометы, а Левъ умеръ 11 Мая 911 года, какъ хочетъ Шлецеръ: то Константинъ былъ тогда не по 7, а по 6 году! Хотя онъ былъ еще ребенкомъ, но уже коронованнымъ, и потому имя его въ государственныхъ грамматахъ должно быть упоминаемо.

E. *Шлецеръ* заключаетъ: «Здѣсь противорѣчія во время-счисленіи слишкомъ грубы; и всѣ усилія.... не могутъ согласить Византійцевъ съ Руссами.» Я полагаю — говоритъ Г. *Кругъ* — что это соглашеніе сдѣлано съ небольшимъ искусствомъ, если только представленные мною факты выдержать строгую пытку (**).

И такъ всѣ *хронологическія* ошибки, какія видѣлъ Шлецеръ, торжественно уничтожены, такъ что

(*) Что — прибавимъ мы — можетъ служить внутреннимъ признакомъ подлинности самаго договора. Г. *Эверсъ* замѣчаетъ по этому случаю: «Чѣмъ страннѣе видѣть въ сіи времена такую учтивость, тѣмъ извѣстіе кажется вѣрнѣе. *Олеговъ договоръ я почитаю подлиннымъ актомъ*». *Критич. Изслѣдов.* въ Русск. пер. 211.

(**) См. *Византт. Хронол.* 108—112; *Нест. Шлец.* въ Русск. пер. II, 753—754.

невѣрующій въ подлинность Олегова договора, уже не можетъ повторять Шлецеровыхъ сомнѣній касательно время-счисленія. — Но Шлецеръ на этомъ не остановился и пошелъ далѣе. Послѣдуемъ за нимъ.

«Есть множество древнихъ актовъ», говоритъ онъ — «подлинность коихъ неопровержимымъ образомъ можно доказать изъ одного *внутренняго содержанія*, и, къ сожалѣнію, это самое, кажется, надобно сказать и о нашемъ договорѣ 912 года. Я могъ бы насчитать въ немъ цѣлый десятокъ такихъ мѣстъ, которыхъ ни какъ не могли написать приведенныя въ немъ лица» (*). — Критикъ надѣялся, что „2й договоръ Игоревъ разрѣшитъ многія темныя и сомнительныя мѣста въ 1мъ Олеговомъ"; Но и здѣсь онъ увидѣлъ себя совершенно обманутымъ въ своей надеждѣ. Разсмотрѣвъ критически договоръ Игоревъ, Шлецеръ пришелъ къ слѣдующему заключенію: „Такимъ образомъ всѣ главныя мои сомнѣнія о подлинности Олегова договора относятся въ равной, или еще въ высшей степени и къ Игореву" (**). — Даже доказательство, заимствуемое отъ

(*) *Несторъ Russ. Annalen.* III, 341; въ Р. пер. II, 758.— *Жаль, что толковникъ Нестора отдѣлался здѣсь общимъ выраженіемъ. Внутреннее содержаніе Олегова договора, по нашему мнѣнію, ни мало не противорѣчитъ ни взаимнымъ отношеніямъ договаривающихся, ни той степени гражданственности, на которой могла стоять Русь въ первомъ вѣкѣ своего бытія Государственнаго: дѣло идетъ только о взаимныхъ выгодахъ торговыхъ, о безопасности лицъ торгующихъ и о необходимыхъ вспоможеніяхъ, требуемыхъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, той и другой стороною.*

(**) *Russ. Annal.* IV, 108: въ Русск. пер. III, 208.

молчанія (argumentum a silentio), и имѣющее большія исключенія, въ настоящемъ случаѣ казалось ему неопровержимымъ.

«Но да не рѣшаетъ теперь еще ни кто важнаго вопроса о подлинности или неподлинности Олегова или Игорева договора съ Царьградомъ; но пусть ожидаетъ прежде всего *лучшихъ* и *древнѣйшихъ* списковъ».... (*) Убѣждаюсь заключительнымъ словомъ Шлецера и вѣрю, что не настало еще время окончательно рѣшить задачу, въ которой знаменитый испытатель Исторіи видѣлъ одну изъ величайшихъ достопамятностей средняго вѣка, что-то *единственное* во всемъ историческомъ мірѣ. Не могу однакожъ не указать на два мѣста, которыя нахожу у Льва діакона, и которыя по моему мнѣнію, служатъ прямымъ указаніемъ на предшествовавшіе договоры, безъ сомнѣнія, Олега и Игоря. Императоръ Іоаннъ Цимисхій, чрезъ пословъ своихъ говоритъ Святославу.» Вѣруя въ провидѣніе, управляющее вселенною, и исполняя Христіанскіе законы, *мы не должны сами разрывать мира, непоколибимо до насъ дошедшаго отъ предковъ нашихъ, въ которомъ самъ Богъ былъ посредникомъ.* И такъ совѣтуемъ вамъ, *какъ друзьямъ*.... выступить изъ земли;.... не послушавъ сего совѣта, вы *разорвете союзъ* нашъ, а не мы.« Вотъ и другое мѣсто. Святославъ, доведенный до крайности пораженіемъ своего войска, отправляетъ къ Императору просить мира, съ условіями: «Тавро-Скиѳы должны отдать Римлянамъ Дористолъ, отослать плѣнныхъ, а Римляне позволить

(*) *Russ. Anal.* IV, 109; въ Русск. пер. III, 210.

привозить къ себѣ хлѣбъ, и посланныхъ *для торговли* въ Византію считать, *по прежнему обычаю, друзьями.* (*)

Частныя недоумѣнія Шлецера рѣшены всѣ и, кажется, удовлетворительно. Онъ напримѣръ, спрашиваетъ: а.) что такое *фофудьи* (II, 750)? Это Греческое, только исковерканное слово φουφγδοτον, равно какъ и *паволоки* — есть Греческое βαβυλοντιχον (Эверса Крит. изслѣд. к. II, отд. V. и *Ис. Г. Р*, I, пр. 330). б.) Что такое *Иваново* письмо (II, 747)? Это ошибка писца, который изъ выраженія, часто встрѣчающагося у византійцевъ, δια κιναβαρεως γραμματα (киноварнымъ написаніемъ), сдѣлалъ *Ивановымъ* (Круга Виз. Хрон. 79 въ примѣч.).

F.) *Шлецеръ* не понималъ значенія слова *Нетій*, два раза употребленнаго въ договорѣ Игоревомъ (III, 99). *Кругъ*, въ своей Визан. Хронологіи (210-215), доказалъ, что это слово заимствовано изъ языка Германскаго, и вполнѣ соотвѣтствуетъ нашему *Сестричь*, т. е. сестринъ сынъ, племянникъ. Объясненіе этаго слова находится *даже* въ самыхъ нашихъ лѣтописяхъ. (Ник. V. 88).

G.) Наконецъ *многочисленность* пословъ Игоревыхъ приводила *Шлецера* въ удивленіе (III, 98). И на это обращено было вниманіе нашими изслѣдователями. Послѣ прекрасныхъ догадокъ Г. *Погодина*, число посланниковъ уменьшается вдвое, и удивле-

---

(*) Исторія Льва діакона Калойскаго и другія сочиненія Византійскихъ писателей. Пер. съ Греческаго Д. Поповымъ. С. П. Б. 1820. — Приведенныя мѣста см. на стр. 65, 96—7.

нію Шлецера, кажется, нѣтъ болѣе мѣста. (*) Еще одно слово. Тяжелый и темный слогъ Договоровъ и Греческія слова, встрѣчающіяся въ историческомъ разсказѣ (**) убѣждаютъ насъ, что договоры — переводъ съ Греческаго и можетъ быть, современный: письменность уже была распространена между нѣкоторыми Славянскими племенами Христіанскаго вѣроисповѣданія, и чиновники Греческіе, употребляемые при составленіи договорныхъ статей, легко могли быть знакомы съ языкомъ Славянскимъ, который тѣмъ не менѣе часто долженъ былъ терпѣть подъ перомъ иноплеменниковъ (***). Наконецъ последнее слово. Въ Русскомъ временникѣ, напечатанномъ въ Москвѣ (1790 г.) и, кажется неизвѣстномъ *Шлецеру*, не помѣщено договора Олегова; между тѣмъ жизнеописаніе этого Князя заключается словами: »сіе пишетъ о немъ въ *Греческомъ* лѣтописцѣ« (1, 12).

Важны еще двѣ статьи Г. *Круга*, также непосредственно относящіяся къ Русской Исторіи: А.) *О Судѣ* Русскихъ лѣтописей, и В.) *О времени Крещенія Ольги.*

(*) См. *Москов. Телегр.* 1825 г. N. 20.

(**) Напр. *поволоки фофудьи*, *опитимія* и проч., даже нѣкоторыя Славянскія слова очевидно составлены по формѣ языка Греческаго: *ближникъ* — Греческое ὁ πλησίον. Нельзя не замѣтить также, что изготовленіе договорныхъ статей въ двухъ экземплярахъ, *на двою харатію и киноварное писаніе* прямо указываютъ на обыкновеніе Греческаго двора.

(***) Не должно забывать при этомъ случаѣ, что при Аскольдѣ и Дирѣ Христіанство торжественно было

I. Еще въ своемъ „Опытѣ Русскихъ лѣтописей“ 166. *Шлецеръ* утверждалъ, что слово *судъ* нельзя объяснить языкомъ Славянскимъ; что о Германскихъ *Зундѣ* здѣсь нельзя думать, ибо *Зунда сжечь* не возможно; потому онъ разумѣлъ Византійское слово *Suda*, означающее ровъ, обнесенный полисадомъ. При этомъ объясненіи *Шлецеръ* остался и въ послѣдствіи, и *судъ* Несторовъ постоянно переводитъ чрезъ *suda* и старается оправдать свое мнѣніе обвиненіемъ переписчиковъ.

Шлецеръ пишетъ (III, 258; въ Русск. II, 611): „Несторъ, сколько мнѣ извѣстно, говоритъ о *судѣ* только три раза (*). 1. Россы (не наши Руссы), въ 866 г. прорываются чрезъ суду: *внутрь суду вшедше* (**).

II. „Греки (при Имп. *Львѣ*) заперли *суду* (suda).“ У Нестора: „Греци замкоша судъ.“ Византійцы не упоминаютъ объ этомъ событіи. *Шлецеръ* сознается, что здѣсь, какъ и при N 1. можно еще подумать о проливѣ. — Наконецъ

III. „Игоревы Руссы въ 941 г. *суды вся пожегша огнемъ.* (Igors Russen... verbrennen alle Suden). Не можетъ быть, чтобы здѣсь шла рѣчь о проливѣ?“

проповѣдано въ Кіевѣ, что въ договорахъ упоминается *Русь Христіаньская*, и что при Игорѣ *много бѣ Варягъ Крестіяныхъ.* См. также И. Г. Р. I. 120.

(*) Есть и *четвертое.* См. Кенигсб. 54. В. К. Ольга долго стояла въ *судѣ.*

(**) Византійцы упоминая о томъ же событіи, употребляютъ слово *Ιερον* или *Στενον.*

Повторимъ еще, что Византійцы, говоря о тѣхъ же событіяхъ, для означенія мѣста, не употребляютъ слова *Suda* (*). Несторъ пишетъ (Кенигсб. 35): „Судъ весь пожгоша," что Шлецеръ (**) переводитъ: die *ganze Suda* verbranten sie (сожгли *всю суду*), и прибавляетъ: здѣсь возникаетъ основательное подозрѣніе, что ничего незнающіе писцы (unbeschreiblich unwissenden Schreiber) не поняли слова *Stenon*, почему и перемѣнили его на другое, изъ многихъ иныхъ мѣстъ имъ знакомое Suda, а это превратили въ *суды*, *сосуды*, и болѣе его не понимали" (***).

Но, возражаетъ Г. *Кругъ*, *Кенигсб.* употребляетъ *всегда* число единственное; въ другихъ спискахъ встрѣчается то же. Русскіе переписчики Временниковъ понимали значенія слова *Судъ*, и *Арх.* сп. даже объясняетъ его такимъ образомъ: „Греки замкоша ссудъ, ежъ слимень" (****), т. е. „Греки заперли *Судъ*, то есть, *гавань*". — Такъ разумѣлъ *судъ* Несторовъ и Стриттеръ (I. 28); но Шлецеръ противорѣчитъ ему, говоря, что слово *суда* (Suda), въ значеніи *гавани*, не встрѣчается ни въ Греческомъ языкѣ, ни въ Русскомъ. — Вотъ важнѣйшія

(*) Продолж., Георг. Мон. И Левъ Грамм., говоря о Руссахъ Игоревыхъ, такъ выражаются: »τὸ Στενον λεγομενον απαν ενεπριбαν« — »сожгли весь такъ называемый Стенонъ.«

(**) *Нест.* IV, 27; въ Русск. III, 49.

(***) *Ibid.* IV, 28—9; въ Русск. III, 53; 211, 55—6.

(****) *Арх.* сп. стр. — Шлецеръ (III, 253) переводитъ это »die griechen verschlossen die *Suda ausser vor dem Hafen*« — Греки заперли *суду извнѣ передъ гаванью.*

мѣста, въ которыхъ *Шлецеръ* высказалъ мнѣніе свое о *судѣ*. Теперь обращаюсь къ его почтенному Контролеру.

О значеніи Греческаго слова разсуждаютъ только Шлецеръ и Стриттеръ, но не Несторъ и не Византійцы. Несторъ говоритъ о *судѣ*, Византійцы — ὁ Στενον, а нѣкоторые изъ нихъ ὁ Ἱερον. Слѣдовательно, здѣсь должна быть рѣчь объ этихъ только выраженіяхъ, — и понявъ смыслъ Греческаго слова, мы отыщемъ значеніе и Русскаго.

Изъ извѣстій какъ древнихъ, такъ и позднѣйшихъ Византійцевъ, выводится весьма ясно, что подъ *Stenon* разумѣется каналъ *Перскій и берегъ онаго* (Kanal. von Pera und die Ufer desselben). Этотъ Stenum, по извѣстію Византійцевъ, былъ сожигаемъ; еще болѣе — то же выраженіе употребляютъ они и о самомъ Понтѣ Евксинскомъ (*), и *Шлецеру*, слѣдовательно, не должно бы казаться камнемъ преткновенія, что *судъ* Несторовъ объясняютъ проливомъ, каналомъ или гаванью, которые, сообразно повѣствованію, придаются пламени. Что такъ можно сказать о *Stenum*, послѣ онъ и самъ увидѣлъ (**); но касательно значенія слова *Sud* остался при своемъ мнѣніи, и все разумѣетъ подъ нимъ Σουδα и мнимый полисадъ. — Отъ этого понятія происходили у *Шлецера* всѣ сомнѣнія, ка-

---

(*) Напр. *Продолж.* говоритъ о Руссахъ: „*τον δε ποντον αυτον, ου μην και τον Ευξεινον, κατεμπιμπρα*“. Виз. Хронол. 191.

(**) Онъ говоритъ (IV, 28; въ Русск. III, 52—3): »*Stenum* во первыхъ значитъ проливъ... между Понтомъ и Византіею; а во вторыхъ Европейскій берегъ сего пролива. Тутъ было много строенія...; слѣд., *тутъ было что жечь*.«

кія находилъ онъ въ Русскихъ лѣтописяхъ о нападеніи Ольга на Константинополь.

И будь *судъ* Несторовъ *гавань*, тогда сухопутное плаваніе *вѣщаго* (*) Ольга было бы очень естественно. Это говоритъ самъ Шлецеръ (**).

Что здѣсь (привожу слова Г. *Круга*) подъ словомъ *судъ*, такъ какъ подъ словомъ Στενον у Византійцевъ, дѣйствительно разумѣть должно каналъ Перскій (запертый цѣпью), — чѣмъ *весьма естественно уничтожается сомнѣніе Шлецера о предпріятіи Олега*: это, думаю, удовлетворительно покажутъ слѣдующія мѣста. — Сравнивъ извѣстія Западныхъ писателей о завоеваніи Константинополя въ 1204 г. съ Русскими извѣстіями о томъ же событіи, ученый Критикъ выводитъ изъ сравненія слѣдующее положеніе: „наши Русскія лѣтописи ясно различаютъ здѣсь *море* (Мраморное, на Ю. отъ Констант.) отъ *суда* (отъ канала, на Сѣв. отъ города), такъ точно, какъ Вилль-Гардуинъ различаетъ *mer* и *port*; и какъ *судъ* у Нестора, въ описаніи 941 г, выражаетъ *Stenon* Византійцевъ: такъ точно слово это соотвѣтствуетъ здѣсь *port* Вилль-Гардуина и *portus* Гр. Гуго. Слѣдовательно, *Арханг.* весьма правильно объясняетъ это слово чрезъ *лименъ*; (***) и мы видимъ, кромѣ того, что подъ выраженіемъ: *замкоша судъ*, должно разумѣть загражденіе *гавани* посредствомъ

(*) См. *Визант. Хронол.* 205 въ примѣч.

(**) *Russ. Annal.* III, 262; въ Русск. пер. II, 620.

(***) Въ послѣдствіи каналъ Перскій въ нашихъ лѣтописяхъ уже прямо называется *Лименъ галатскій. Ник.* V. 238.

цѣпи; и что, по смыслу лѣтописей, здѣсь никакъ нельзя думать о цѣпи чрезъ *Воспоръ*, какъ хотѣли того *Шлецеръ* (III, 261; въ Р. 616) и другіе, чтобы цѣпь эту огласить *уродливою*.

Если все доселѣ сказанное убѣждаетъ, что *судъ* Нестора, равно какъ Στενον Византійцевъ, означаетъ каналъ Перскій, и что слово это однозначительно съ *Лимень*, *port* и *portus*: то весьма легко узнать въ этомъ *судѣ* Германскій *Зундъ*... Представивъ выписку изъ Снорро о побѣгѣ Гаральда изъ Константинополя въ Россію, къ Ярославу I, Г. *Кругъ* еще разъ приходитъ къ тому же заключенію: « Ясно, что *Sund* у Снорро здѣсь то же, что *судъ* у Нестора. Если это такъ, то мы, довѣряя этимологіи, основанной на созвучіи, на тожествѣ понятія и на доказательствахъ историческихъ, можемъ объяснять *судъ* языкомъ Германскимъ, можемъ переводить его *зундомъ* какъ у Нестора, такъ и у всѣхъ Русскихъ лѣтописателей, и не останавливаться болѣе на Σοῦδα, которая означаетъ fossam sudibus munitum».

Примѣняя все это къ *сухопутному плаванію Олега на колесахъ* и *парусахъ*, надъ чѣмъ смѣялся *Шлецеръ*, называя это баснею, пустою, ребяческою шуткою (läppische Possen), Г. *Кругъ* приходитъ къ *естественному* объясненію этого событія. — И въ самомъ дѣлѣ (спросимъ вмѣстѣ съ Г. *Кругомъ*), что̀ въ 1204 г. Генрихъ Дандоло почиталъ возможнымъ, — что̀, чрезъ триста лѣтъ, дѣйствительно совершилъ Магометъ, — почему того же самаго не могъ совершить нашъ *вѣщій* Олегъ съ легкими своими судами? (*).

(*) Возраженіе *Шлецера* (II, 613) теперь уже не будетъ имѣть силы.

Важную услугу Русской Исторіи Г. *Кругъ* оказалъ и тѣмъ, что *опредѣлилъ годъ крещенія* В. Кн. Ольги: ubi temporum ratio non cohaeret, ibi ne Historia quidem *vera* esse potest. — Замѣтимъ прежде, что нѣкоторые (Нѣмецкіе) ученые прошедшаго столѣтія сомнѣвались не въ годѣ, но даже въ истинѣ крещенія Ольги. Тунманъ, напр., въ одномъ изъ своихъ сочиненій написалъ: «Что Ольга крещена въ Константинополѣ, это основывается только на сказаніи Кедрина и нѣкоторыхъ позднѣйшихъ Греческихъ лѣтописателей, изъ которыхъ выписывалъ Несторъ ... Константинъ, къ которому она пріѣзжала, и который описываетъ даже малѣйшія обстоятельства пребыванія ея въ Константинополѣ, ни слова не говоритъ о ея крещеніи. Его молчаніе здѣсь важнѣе увѣреній Кедрина и Нестора. Впрочемъ Ольга была въ Константинополѣ, только въ 946 г., а не въ 955.» (*). — Послѣ ученыхъ изслѣдованій о времени крещенія Ольги *Евгенія Булгара*, напечатанныхъ въ 1792 г., всякое сомнѣніе о дѣйствительности этаго событія уничтожается; но хронологія не опредѣлена; потому одни (Тунманъ (**) принимаютъ 946 г., другіе (Евг. Булгаръ) 956, третьи (Карамзинъ, Шлецеръ), слѣдуя нашимъ лѣтописямъ, показываютъ 955 г. — Г. *Кругъ*, съ

(*) См. *Thunmans Untersuchungen über die alte Geschichte einiger Nordischen Völker*. Berl. 1772 213-14.

(**) Въ другомъ сочиненіи своемъ (*Untersuchungen über die Geschichte der oestlichen Europaischen Uölker*) Тунманъ, сказалъ: Dass sie (Ольга) in Konstantinopel gewesen, ist *unleugbar*; dass sie daselbst getauft worden, ist *glaublich*. Допуская *вѣроятность* крещенія Ольги, онъ относитъ его къ 946 г. Доказательства см. въ упомянутой книгѣ 391—401.

тою же математическою ясностію, какою отличается все его сочиненіе, доказалъ, что Ольга приняла крещеніе въ 957 году и что слѣдовательно, крестилъ ее не Ѳеофилактъ, а *Поліевктъ*

Г. *Кругъ* далъ обѣщаніе — изложить мнѣніе свое о крещеніи Ольги подробнѣе (*); тогда онъ, можетъ быть, скажетъ намъ *да* или *нѣтъ* и о посольствѣ Вел. Кн. къ Нѣмецк. Императору Оттону. Теперь же у насъ говорятъ и пишутъ объ этомъ различно. *Шлецеръ*, разсматривая это дѣло со всею подробностію, и доказывая, что не только Елена, *Царица Ругійская*, была наша Кн. Ольга, но и *Адалбертъ* былъ *первымъ* у насъ Епископомъ, говоритъ въ заключеніе: «Въ самомъ происшествіи нѣтъ никакого сомнѣнія; свидѣтелей, повѣствующихъ объ этомъ, слишкомъ много;... а простой читатель лѣтописей, который вздумалъ бы отрицать это потому только, что въ его *такъ называемомъ Несторѣ* (**) ничего объ этомъ нѣтъ, показалъ бы себя не только не ученымъ, но даже простакомъ (***)... Что *Rugi* значатъ *Руссы*, это также вѣрно; ибо *глупость* писателей Временниковъ средняго вѣка извѣстна... Ассеманіевы *бредни*, который подъ Ругійцами считаетъ жителей острова *Рюгена*, не стоятъ опроверженія" (****). — *Татищевъ* (кн. I. 265) разумѣлъ здѣсь *Пруссію*; но въ другомъ мѣстѣ (Кн. II. 404) онъ поправилъ себя и полагалъ, что подъ *Рус-*

(*) *Визант. Хронол.* 269.

(**) Какое же понятіе имѣлъ *Шлецеръ* о *Несторѣ?*

(***) Почему Несторъ не зналъ и ничего знать не могъ о переговорахъ Ольги съ Императоромъ — это Шлецеръ очень хорошо понимаетъ. *Нест.* III 446.

(****) *Нест.* III. 353—354.

сами, къ которымъ назначенъ былъ *Адалбертъ*, должно разумѣть *Ругійцевъ*. — Исторіографъ Карамзинъ (*) допускаетъ, что посольство дѣйствительно было, только не для испрошенія священниковъ, а съ какою нибудь другою цѣлію. *Эверсъ* (**) вѣритъ напротивъ, что Ольга отправляла посольство къ Оттону именно для испрошенія священниковъ, и предполагаетъ, что новообращенная или не знала о различіи между Греческою и Латинскою церковію, или, въ раздорѣ съ дворомъ Византійскимъ, скрывала *политическое намѣреніе* подъ завѣсою церковной потребности. Професс. *Морошкинъ* (***) утверждаетъ, что посольство къ Оттону принадлежитъ къ Исторіи не нашихъ Руссовъ, а Германскихъ, и готовъ допустить, что эта Ольга была Игуменья Гандерсгеймскаго монастыря, по имени Rhoswilda, иначе Helena von Rossow, процвѣтавшая ученостію и мудростію, и въ Царѣ-градѣ научившаяся Греческому языку. — Вѣрьте, кому угодно! А между тѣмъ какое важное лице въ нашей Исторіи Св. Ольга! Она — какъ прекрасно выражаются лѣтописи — „бысть предъ-текущія крестьянь-стѣй земли аки денница передъ солнцемъ и аки зоря предъ свѣтомъ;“ она — „*Руское познанье къ Богу*“ (****).

(*) *Ист. Г. Р.* I, стр. 177, прим. 395.

(**) *Предвар. Критич. изслѣдованія*, 94—5. пер Г. Погодина.

(***) См. Примѣчанія къ »Опыту« Рейца, 357.

(****) *Лавр.* сп., 38.

О трудахъ Гг. *Френа*, *Шармуа*, *Эрдмана*, *Шегрена*, знакомящихъ насъ съ Бытописаніемъ Азіатскаго Востова, и раскрывающихъ судьбу многочисленнаго племени Финскаго, — равно какъ и о трудахъ другихъ писателей, которые также добросовѣстно принесли дары свои Отечественной Исторіи; издавая и объясняя матеріялы, — обо всемъ этомъ мы постараемся сказать въ иномъ мѣстѣ, послѣ надлежащаго приготовленія къ дѣлу.... Теперь же, показавъ, хотя въ общихъ чертахъ, ходъ и успѣхи Русской Исторической критики, мы переходимъ къ писателямъ Систематической Русской Исторіи, преимущественно къ Исторіи Государства Россійскаго.

Рано, судя по молодости умственнаго нашего образованія, обнаружились у насъ покушенія писать Русскую Исторію. Уже составитель *Степенныхъ книгъ* видимо уклоняется отъ лѣтописнаго порядка въ изложеніи, и представляетъ или, покрайней мѣрѣ, хотѣлъ представить событія въ *системѣ*. Со временъ Петра Великаго многіе литераторы, послѣдовательно, пытали силы свои на прекрасномъ, но вмѣстѣ и трудномъ историческомъ поприщѣ. Явились: *Татищевъ*, *Хилковъ*, *Ломоносовъ*, *Эминъ*, *Щербатовъ*, *Нехачинъ*, *Стриттеръ*, *Елагинъ*. Нѣтъ сомнѣнія, что каждый изъ этихъ писателей имѣетъ свое относительное достоинство, соотвѣтственно средствамъ и современнымъ ему понятіямъ о Дѣеписаніи (*); но

(*) Любопытно свидѣтельство Татищева о томъ, какъ смотрѣли его современники на письменные памятники нашей древности. Вотъ что говоритъ онъ: »но не безъизвѣстно и сіе, что не вѣдущіе пользы изъ того, оныя древности не только складомъ и нарѣчіемъ порицаютъ,

прагматизма мы напрасно искать у нихъ будемъ: тамъ нѣтъ и тѣни его; напротивъ всѣ они ведутъ только Хронологію Государей, списываютъ только лѣтописи, безъ критики и соображеній; желая блеснуть умомъ, иногда важно задумываются надъ сказкою объ Ольгиныхъ воробьяхъ; опредѣляютъ годъ и мѣсяцъ всемірнаго потопа; ссылаются не только на рукописи, но и на печатныя книги, которыхъ читать не могли, ибо ихъ никогда и на свѣтѣ не бывало.

Послѣ такихъ писателей, занимавшихся Исторіею, большею частію, безъ предварительнаго приготовленія, мимоходомъ, иногда отъ скуки, *Карамзинъ* явился истиннымъ гигантомъ. Призванный высокимъ вниманіемъ Благословеннаго, къ новому служенію, отказавшись отъ всѣхъ приманокъ честолюбія для одной науки, постоянно вѣрный своему зову, онъ немогъ не имѣть ревности — и рѣшился написать Исторію такой Державы, съ которой *никогда Римъ въ своемъ величіи не могъ равняться. Мысль цѣпенѣетъ*, когда подумаешь, какой трудъ и въ какое время принялъ на себя Карамзинъ! Изслѣдованія Байера, Миллера, преимущественно Шлецера, безъ сомнѣнія, важны, но они исключительно относятся или къ одному какому нибудь историческому вопросу, или къ одному періоду — не болѣе; Тати-

---

но ихъ печатать болѣе за вредъ и поношеніе, нежели за пользу и честь почитаютъ, говоря: когда ихъ въ судѣ употреблять не можемъ, то они останутся втунѣ, и что ихъ странное сложеніе и обстоятельства поносны« См. его Пред. къ Р. Пр. и Судебн. въ 1-й ч. Прод. Др. Росс. Вивліоѳики.

цевъ, Щербатовъ, Хилковъ и другіе не помогали, а только увеличивали затрудненія, которыхъ и безъ того много предстояло *Карамзину*. Лѣтописей напечатано было довольно, но лучшія таились еще въ библіотекахъ, казенныхъ и частныхъ; до актовъ Государственныхъ, грамматъ и договоровъ, которые такъ драгоцѣнны для Дѣеписателя, послѣ Миллера, ни кто не касался; вспомогательными Историческими науками не занимались. Чтó же оставалось дѣлать Исторіографу, который кромѣ развѣ Шлецера, не имѣлъ ни одного надежнаго путеводителя? Ему самому надлежало внимательно осмотрѣть архивы и библіотеки, по крайней мѣрѣ, важнѣйшіе; стряхнуть вѣковую пыль съ хартій, прочесть ихъ темныя буквы и переложить въ живое слово; самому надлежало соглашать безпрестанныя противорѣчія лѣтописей въ показаніяхъ хронологическихъ, въ именахъ лицъ, въ названіяхъ городовъ, народовъ; самому надлежало составлять нашу древнюю Географію, Нумизматику, Генеалогію, и всему собранному, соображенному, очищенному критикой, опредѣлить мѣру и вѣсъ, все освѣтить правильнымъ свѣтомъ; во все влить душу и жизнь.- Вѣрю чистосердечнымъ словамъ Исторіографа, что одно славолюбіе не могло дать ему твердости постоянной, долговременной, необходимой въ такомъ дѣлѣ, если бы онъ не находилъ истиннаго удовольствія въ самомъ трудѣ и не имѣлъ надежды быть полезнымъ, то есть, сдѣлать Россійскую Исторію извѣстнѣе для многихъ, даже и для строгихъ своихъ судей.

Такимъ образомъ, смѣло сказать можемъ, что Карамзинъ въ *Исторіи Государства Россійскаго* пред-

ставилъ вѣрный результатъ всѣхъ предъидущихъ изслѣдованій, дополнивъ оныя новыми, ему собственно придлежащими; смѣло повторяя, что онъ окружась неподкупными свидѣтелями нашихъ дѣяній, темныхъ и гласныхъ, доблестныхъ и постыдныхъ, прошелъ съ ними разные періоды нашего существованія и воскресилъ для насъ истинный, до него искаженный, образъ Руси.

Не говоримъ, что *Карамзинъ* все рѣшилъ; утверждаемъ напротивъ, что *Исторія Государства Россійскаго* имѣетъ существенные недостатки, изъ коихъ нѣкоторые бросаются въ глаза и простому читателю.

Цѣль, предметъ и значеніе Русской Исторіи *Карамзинъ* удовлетворительно опредѣлилъ въ предисловіи, которое, по этому, можно назвать теоріею Исторіи, или, относительно къ самому писателю, полнымъ выраженіемъ понятія, какое онъ составилъ объ Исторіи, находясь подъ непосредственнымъ вліяніемъ современнаго ему направленія наукъ Историческихъ. Не говоря о недостаткѣ въ Карамзинѣ философскаго воззрѣнія на Дѣеписаніе; не говоря о томъ, правильно или не правильно раздѣленіе его Исторіи на Древнюю, Среднюю и Новую; что всѣ свѣдѣнія о путешествіи Аргонавтовъ, о Таврахъ и Киммеріанахъ, Гипербореяхъ и Меланхленахъ, изложенныя въ первой главѣ, совершенно лишни, не имѣя и посредственнаго отношенія къ Русской жизни, — мы постараемся указать на такіе только недостатки, избѣжать которыхъ *Карамзину*, кажется, не трудно было.

1. Что положительнаго сказалъ Исторіографъ о первоначальномъ отечествѣ Рюрика и его братьевъ?

Стараясь усилить мнѣніе объ этомъ Байера и Шлецера, *Карамзинъ*, повторяя ихъ доводы, въ то же время приводитъ и другое свидѣтельство съ его доказательствами (*) и заключаетъ: «вѣроятность остается вѣроятностію, по крайней мѣрѣ знаемъ, что какой-то народъ Шведскій въ 839-мъ году, слѣдственно еще до пришествія Князей Варяжскихъ, въ землю Новгородскую и Чудскую, именовался въ Константинополѣ и въ Германіи *Россами*» — (I. 50—51). Ужели для этаго только, повторяетъ онъ, изслѣдованія предшественниковъ и самъ изслѣдуетъ? Происхожденіе Варяго-Руссовъ, которымъ занимался Исторіографъ, осталось въ первобытномъ мракѣ.

2. Допуская, что *Норманны* были основателями Русской Державы, Исторіографъ не удовлетворительно опредѣлилъ характеристику этихъ находниковъ; не сказалъ ничего о ихъ домашнихъ уставахъ, не показалъ, какія новыя стихіи прибавили они къ стихіямъ жизни Славянской, и что сами могли отъ насъ заимствовать; какъ изъ этого соединенія двухъ стихій, Славянской и Норманнской, образовалось новое общество гражданское — *Русская земля*, получившая свою отличительную физіономію; не показалъ, какъ постепенно установлялись взаимныя отношенія Славянъ и Норманновъ, и откуда проистекли всѣ главныя, внутреннія и внѣшнія явленія, составляющія содержаніе Исторіи двухъ первыхъ вѣковъ нашей Русской жизни. — *Карамзинъ* — какъ самъ онъ пишетъ — прилежно *истощая* матеріялы

(*) Оно заимствовано изъ Степенной книги XVI в. и нѣкоторыхъ другихъ *новѣйшихъ* лѣтописей.

древнѣйшей Россiйской Исторiи, ободрялъ себя мыслiю, что въ повѣствованiи о временахъ отдаленныхъ есть какая-то неизъяснимая прелесть для нашего воображенiя. Тамъ источники Поэзiи! Въ слѣдствiе такого взгляда, онъ неминуемо долженъ былъ видѣть какихъ-то *великановъ* нашего сумрака, и, увлекаясь воображенiемъ все далѣе и далѣе, признавать *вѣщаго* Олега истиннымъ основателемъ величiя Россiи; предлагать, напримѣръ, въ видѣ разсужденiя, слѣдующiе вопросы: Исторiя признаетъ ли его (Олега) незаконнымъ Властелиномъ съ того времени, какъ возмужалъ наслѣдникъ Рюриковъ? *Великiя* дѣла и польза Государственная не извиняютъ ли властолюбiя Олегова? и проч. (I, 143). Но Историкъ — припомнимъ слова Карамзина — разсуждаетъ только въ объясненiе дѣлъ, тамъ, гдѣ мысли его какъ бы *дополняютъ* описанiе. — Избравъ настоящую точку зрѣнiя на первый перiодъ, мы увидимъ все въ настоящемъ свѣтѣ; убѣдимся, что въ продолженiе онаго брошены были сѣмена послѣдующаго боренiя внутренняго, и что это боренiе составляетъ явленiе неизбѣжное, необходимость котораго условливается мѣстнымъ закономъ развитiя элементовъ въ нашемъ возникающемъ Государствѣ.

3. Къ той же категорiи неясностей относится, думаемъ мы, и *перiодъ Удѣловъ*: и на него невѣрно смотрѣлъ Исторiографъ. — Знаю, говоритъ онъ, что битвы нашего Удѣльнаго междоусобiя, гремящiя безъ умолку въ пространствѣ пяти вѣковъ, *маловажны для разума;* что сей предметъ не богатъ ни мыслями для прагматика, ни красотами для живописца (Т. I, XIV—XV); по этому — говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ — Историкъ чужеземный не

могъ бы съ удовольствіемъ писать о сихъ времснахъ, скудныхъ дѣлами славы и богатыхъ ничтожными распрями многочисленныхъ Властителей, коихъ тѣни, обагренныя кровію бѣдныхъ подданныхъ, мелькаютъ предъ его глазами въ сумракѣ вѣковъ отдаленныхъ. Древняя Россія погребла съ Ярославомъ свое могущество и благоденствіе, а Государство шагнувъ, такъ сказать, въ *одинъ вѣкъ отъ колыбели до величія*, слабѣло и разрушалось болѣе трехъ сотъ лѣтъ. Впрочемъ Исторія предковъ всегда *любопытна* для того, кто достоинъ имѣть отечество (Т. II, 65—6). — Такія ли общія мѣста должны приготовить читателя къ уразумѣнію періода Удѣловъ? Онъ знать желаетъ: духъ, характеръ, значеніе, главныя явленія нашей *Удѣльной системы*; ищетъ рѣшенія, почему она была неизбѣжнымъ зломъ для Россіи? Имѣла ли она внутреннее соотношеніе и сродство съ *Феодальною системою* Западно-Европейскаго міра, или, кромѣ видимаго сходства въ общихъ чертахъ, кромѣ внѣшнихъ, случайныхъ принадлежностей, существенно отличалась отъ ней? По какимъ началамъ развивалась наша Удѣльная система; какъ она при постепенномъ вліяніи внѣшнихъ обстоятельствъ, постепенно теряла силу и дѣйственность; какъ бытіемъ своимъ условливала она и неприкосновенность нашей народности, и бытіе Московской Державы, гдѣ зачалась новая, главная жизнь православнаго нашего Отечества? Вотъ что́ рѣшить долженъ Историкъ, разсматривая періодъ Удѣловъ, и вотъ чего тщетно будемъ мы искать у Карамзина! (*)

(*) См въ Тр. Общ. и Др. Росс. Ч. V, кн. I, Г. *Надеждина*: Предначертаніе Историко-критическаго изслѣдо-

4. Разлагая далѣе великое творенiе Карамзина, легко встрѣтимъ много и другихъ подобныхъ недостатковъ, можетъ быть, неизбѣжныхъ при тогдашнемъ положенiи матерiяловъ. Не будемъ вдаваться въ подробности, которыя завели бы насъ слишкомъ далеко, и укажемъ еще на одинъ важный недостатокъ: это *порядокъ* самаго *изложенiя*, какой принялъ Исторiографъ. Читатель замѣтитъ — сказалъ онъ въ предисловiи — что описываю дѣянiя не *врознь*, по годамъ и днямъ, но *совокупляю* ихъ для удобнѣйшаго впечатлѣнiя въ памяти. Такъ и быть должно; но всматриваясь пристально въ порядокъ изложенiя, убѣдимся, что Карамзинъ написалъ не Исторiю, гдѣ событiя связаны прагматизмомъ, а скорѣе лѣтопись, гдѣ все излагается въ строгомъ хронологическомъ порядкѣ, такъ что у читателя, при всемъ напряженiи вниманiя и памяти, никакъ не достанетъ силъ обнять то, что разсказываетъ Исторiографъ объ удѣльныхъ браняхъ, въ темной картинѣ междоусобiя, неустройствъ, бѣдствiй; онъ дѣйствительно не можетъ сообразить хода событiй: вмѣсто *живыхъ*, *цѣлыхъ* образовъ, видитъ только *тѣни*, въ *отрывкахъ*.

И такъ, если предметъ Русской Исторiи состоитъ въ развитiи причинъ всего того, что происходило въ Руси; если въ прагматическомъ изложенiи событiй, она должна выражать, что Россiя невредимо прошла сквозь рядъ вѣковыхъ бѣдъ и ис-

---

ванiя Древне-Русской *системы* Удѣловъ. *Системы* Феодальной у насъ не было ни при Рюрикѣ, ни при его преемникахъ и потомкахъ. См. *Истор.* Г. *Булгарина* Ч. III, 40 и др.

кушеній, подъ щитомъ Православія, Самодержавія и Народности; что на этихъ именно началахъ зиждется настоящая и грядущая судьба нашего Отечества: то мы не имѣемъ еще Исторіи, которая удовлетворяла бы всѣмъ требованіямъ Науки: сложеніе такой Исторіи будущему времени предоставлено.... „причины неудовлетворительности нашихъ Историческихъ сочиненій — справедливо говоритъ Професс. *Устряловъ* — скрываются въ самомъ планѣ, отъ коего много зависитъ успѣхъ исполненія. Конечно, ни одна изъ Наукъ, въ примѣненіи къ нашему Отечеству, не требуетъ, относительно выбора системы, такихъ глубокихъ соображеній, какъ Русская Исторія.... Систему Русской Исторіи должны создать сами, не придерживаясь ни Юма, ни Миллера: ибо у насъ развитіе государственной и гражданской жизни совершалось по инымъ началамъ, подъ вліяніемъ иныхъ обстоятельствъ (*).“

И такъ многое еще должно намъ собрать, сообразить, обработать по частямъ, прежде нежели можно будетъ приступить къ сочиненію прагматической Русской Исторіи. — Дѣятельной, критической обработки особенно ожидаютъ:

1. *Исторія народовъ*, которые, въ свое время, непосредственно или дѣйствовали на судьбу Русска-

---

(*) См. его »Разсужденіе о системѣ Прагматической Русской Исторіи.«

го народа, или находились подъ нашимъ вліяніемъ, и которые теперь, большею частію, обрусѣли, слились съ Русскимъ народомъ: Булгары, Хазары, Печенѣги, Половцы, Монголы — все это народы важные, Исторія которыхъ проясняетъ, болѣе или менѣе, нашу, Русскую. Одно критическое прозрѣніе въ судьбу Финскихъ племенъ — этихъ первенцевъ Европейскаго Сѣверо-Востока — могло бы открыть много свѣтлыхъ точекъ въ томъ мракѣ (теперь непроницаемомъ), въ которомъ, какъ видѣнія, безъ образа и жизни, являются намъ Андрофаги, Меланхлены, Гипербореи и другія порожденія Геродотовой фантазіи. — Не знаемъ теперь, однозначительны или нѣтъ слова Скиѳъ и Чюдь, и безопасно ли употреблять можемъ одно именованіе вмѣсто другаго, какъ учитъ Ломоносовъ (V, 119—120)... На этомъ Скиѳскомъ мірѣ крѣпко еще лежатъ киммерійскіе мраки. — Правда, въ равнодушномъ бездѣйствіи укорить насъ нельзя: мы трудимся, и Исторія нѣкоторыхъ изъ упомянутыхъ народовъ обработана въ наше время по новымъ достовѣрнѣйшимъ источникамъ, слѣд. съ болѣе правильнымъ взглядомъ на предметъ. Такъ, напримѣръ, Г. *Григорьевъ* кратко, но удовлетворительно изложилъ *Исторію Хазаровъ* отъ перваго появленія ихъ въ историческомъ мірѣ до того времени, когда они совершенно въ немъ изчезаютъ (*); такъ имъ же, на основаніи большею частію, Восточныхъ писателей, критически обработана *Ис-*

(*) *Обзоръ политической Исторіи Хазаровъ.* Сынъ Отт. и Сѣв. Арх. 1835 г. N. 17. Еще прежде онъ же помѣстилъ въ Ж. М. Н. Пр. статью: О *образѣ правленія Хазаровъ.* 1834 г. N VIII.

торія Булгаровъ — Волжскихъ и Дунайскихъ, происхожденіе, сродство и образованіе которыхъ, какъ говоритъ самъ Авторъ, суть любопытныя историческія задачи, доселѣ нерѣшенныя удовлетворительно (*); такъ Г. *Сенковскій* бросилъ яркій лучь свѣта на *Исторію Венгровъ* (**), и проч. Но что положительнаго знаемъ мы о племенахъ *Латышскихъ*, даже послѣ трудовъ *Стрыйковскаго, Кояловича, Шлецера, Карамзина?* Въ семидесятыхъ годахъ (1772) прошедшаго вѣка Тунманъ издалъ любопытную и важную для Русской Исторіи книгу — *Изслѣдованія касательно древней Исторіи нѣкоторыхъ Сѣверныхъ народовъ*, гдѣ онъ, пользуясь всѣми пособіями, какія Исторія и языкознаніе совокупно могли ему доставить, хотѣлъ, между прочимъ, уяснить темное происхожденіе *Пруссовъ* и *Латышей*, и гдѣ онъ такъ выражаетъ тему, которую доказать намѣревается: „*Латыши* не составляютъ самобытнаго племени. Они суть *Славяне*, смѣшанные съ *Финнами* и *Готами*... Латыши не древній народъ: VI вѣкъ былъ еще вѣкомъ ихъ младенчества. Они появились въ странахъ, гдѣ Висла впадаетъ въ Балтійское море, а отсюда въ позднѣйшія времена распространились на Югъ, Востокъ и Сѣверъ“ (***). Это положеніе Тунмана принято теперь, кажется, всѣми какъ истина Историческая.

(*) См. *Энц. Лексик.* Т. VII. — Замѣчательна также въ этомъ отношеніи книга Г. *Венелина: Древніе и нынѣшніе Болгары.*

(**) *Энц. Лексиконъ* Т. IX.

(***) *Thunm. Nord. Völker.* p. 8. См. также Матеріялы для Исторіи просвѣщенія въ Россіи. 1827 г.

Не меньшая настоитъ потребность и въ Исторіи *Монгольскаго міра* вообще, тѣмъ болѣе — въ Исторіи образовавшихся изъ онаго *Царствъ Капчакскаго, Казанскаго* и *Крымскаго*. Лѣтописныя извѣстія, повторяемыя обыкновенно въ нашихъ Исторіяхъ, безъ сомнѣнія, очень важны; оффиціальные документы, сохраненные временемъ, еще важнѣе; но безъ ближайшаго знакомства съ памятниками Востока Исторія этихъ Ордъ прагматическою быть не можетъ. Эту истину прежде другихъ сознала наша Академія Наукъ, и, въ свое время, предложила задачу, на которую однакожъ, сколько извѣстно, удовлетворительнаго рѣшенія не послѣдовало.

2. *Частная Исторія княжествъ* до сліянія ихъ въ одну Московскую Державу. Безъ того Древняя наша Исторія будетъ темна и запутанна; безъ того намъ не найти, на пр., Княжества Тмутараканскаго (*), и проч. Одна неясность генеалогическая служитъ уже величайшимъ препятствіемъ къ надлежащему уразумѣнію періода удѣловъ, когда Князья неутомимо ведутъ между собою споръ о правѣ владѣть тѣмъ или другимъ участкомъ. Какъ послѣ этого не пожелаешь, вмѣстѣ съ Шлецеромъ (*Нест.* I, Вввед. Отдѣл, I, V), чтобы явился у насъ свой *Брюнетъ* или свой *Пюттеръ*, который описалъ бы всѣ

(*) См. въ *Тр. Общ. Ист. и Древн. Росс.* Ч. IV, кн. 1. о *Тмутаракини* Г. *Арцыбашева*. Ср. Ibid. Ч. кн. 1: *Нѣчто о Тмутар. камнѣ*, Г. *Кеппена* и его же *Списокъ Русс. памятникамъ*. »Истор. изслѣдованіе о мѣстоположж. древ. Росс. Тмутарканскаго княж.« А. И. *Муси на -Пушкина*, и »Письмо о камнѣ Тмутарканскомъ« А. Н. *Оленина*, извѣстны всякому.

многочисленныя удѣльныя Княжества, съ основанія ихъ до соединенія съ Московскою державою! На недостатокъ матеріаловъ жаловаться не можемъ: одна Исторія Государства Россійскаго Карамзина даетъ ихъ столько, что самому неусыпному трудолюбію не на одинъ годъ достанетъ работы, «*Ключь къ Исторіи Карамзина*» и приложенныя къ оному генеалогическія таблицы, полнѣйшія всѣхъ подобныхъ (за что мы обязаны благодарностію просвѣщенной заботливости П. М. *Строева*), послужатъ при этомъ производствѣ историческихъ работъ важнымъ пособіемъ. — Можно идти еще далѣе и замѣтить, что политическій характеръ нѣкоторыхъ лицъ нашей Исторіи—лицъ важныхъ, перводѣйствующихъ въ своемъ вѣкѣ — не опредѣленъ съ точностію. Разительнымъ примѣромъ могутъ служить Борисъ Годуновъ и Іоаннъ IV Грозный; а такихъ примѣровъ много можно представить. — Даже періодъ Самозванцевъ, не смотря на драгоцѣнныя «сказанія», съ которыми познакомили насъ Гг. *Устряловъ* и *Мухановъ*, не вполнѣ уясненъ — до того времени, когда Пожарскій и другой человѣкъ — *художествомъ говядарь* — спасли Москву, и когда *безгосподарная* Россія, долго служившая какимъ-то Царикамъ, увидѣла на престолѣ своемъ *благоцвѣтущую отрасль благороднаго корени* — *Богомъ избраннаго* Михаила.

3. *Исторія Россійскаго Законодательства.* Предметъ важный даже и по отношенію къ Исторіи народа; ибо законъ и дѣяніе — говоритъ одинъ изъ нашихъ писателей — состоятъ въ тѣсномъ, неразрывномъ между собою отношеніи.... Законодательствомъ, можно сказать, условливается Исторія народа, а Исторіею

осуществляется и оправдывается законодательство.« (*) И между тѣмъ у насъ еще въ этомъ отношеніи очень мало сдѣлано: ученыя изслѣдованія о *Кормчей книгѣ Бар. Розенкампфа*, объ *Уложеніи* Алексія Михайловича Г. *Строева* (**) и о Русской правдѣ Гг. *Каченовскаго, Эверса. Рейца* и *Морошкина* составляютъ почти весь итогъ Историко-юридической нашей литературы. Безъ сомнѣнія, и эти труды, хотя не въ одномъ духѣ написанные, составляютъ во всякомъ случаѣ пріобрѣтеніе для отечественной Исторіи, но пытливому уму много еще предстоитъ работы, и юридическіе наши памятники ожидаютъ новыхъ и новыхъ дѣлателей. Они къ счастію науки являются. При этомъ случаѣ справедливость запрещаетъ умолчать о рѣчи Г. Профессора *Крылова*, гдѣ онъ, объясняя историческое значеніе Римскаго Права, показалъ, что и Россія получила долю изъ юридическаго наслѣдства, доставшагося Европѣ отъ Рима. Выпишемъ одно мѣсто, которое послужитъ важнымъ дополненіемъ къ сказанному выше о договорахъ. «Сношенія Южныхъ Руссовъ съ Греками, говоритъ ученый Профессоръ, начались съ древнихъ временъ и долго продолжались; естественно, надобно предполагать взаимное вліяніе одного народа на другой, по общему уставу человѣчества. Имѣя въ виду указанія Историческихъ слѣдовъ Римскаго Права въ древнемъ Россійскомъ законодательствѣ, мы останавливаемся на первомъ юридическомъ памятникѣ.

(*) См. Предисл. къ древн. Русскому Праву.

(**) Историческое критическое изслѣдованіе Уложенія, изданнаго Цар. Алексіемъ Михайловичемъ въ 1649 г. соч. Влад. Строева. С. П. Б. 1833.

Это *договоръ Олега съ Греческими Императорами.* Всеобщій, очищенный отъ всѣхъ особенныхъ наростовъ, элементъ Римскаго права могъ прививаться ко всѣмъ почвамъ нравственной природы; и вотъ уже онъ замѣтно вліяетъ на языческую Русь. Въ договорѣ *Олега* мы видимъ уже тонкія понятія объ Уголовномъ правѣ, оттѣненныя даже въ опредѣленномъ языкѣ; замѣчаемъ вѣрныя начала Теоріи *судебныхъ доказательствъ.* И неудивительно: актъ составленъ былъ подъ вліяніемъ Грековъ. Но усвоить себѣ эти понятія, которыя тогда были еще новы, не извѣстны для народа Русскаго, — это другое дѣло, и показываетъ въ немъ значительную гражданственность. Если сравнимъ юридическія явленія, замѣчаемыя въ Договорѣ, съ состояніемъ Права всеобщаго въ тогдашнее время Россіи; то поражаетъ насъ рѣзкая противуположность, понятная только при допущеніи вліянія Римско-Греческаго элемента на первыя Юридическія вѣрованія Славянъ. Система *частной мести*, переродившаяся въ новую сравнительную лучшую *систему виръ*, была тогда общею—земскою; у насъ, мы застаемъ ее въ *Русской Правдѣ* въ полномъ развитіи, и даже отчасти въ *Судебникѣ*.... Тонкое различіе о мѣстѣ подсудности Русса и Грека, о порядкѣ доказательствъ, и другія подобныя явленія, встрѣчаемыя въ Договорѣ, уже ясно свидѣтельствуютъ, что Римско-Греческая гражданственность начинаетъ видимо отражаться на Руссахъ„ (*) Нельзя умолчать также объ ученомъ трудѣ Доктора Правъ Г. *Мацѣевскаго*:

(*) См. Объ Историческомъ значеніи Римскаго Права въ области наукъ Юридическихъ. Москва 1838.

его *Исторія Славянскихъ законодательствъ* составляетъ неотъемлемое достояніе нашей Исторіи. Читая *Введеніе въ Исторію Славянскихъ законодательствъ перваго періода* (*), *мы видимъ*, что историкъ, желая проникнуть въ тайну первоначальныхъ основаній Права Славянскаго и показать постепенность въ ходѣ его раскрытія, долженъ былъ призвать на помощь не только цѣлую жизнь Славянскаго народа, общественную и частную, но и все, что̀ поддерживаетъ его естественныя и нравственныя силы. Такой трудъ, поистинѣ великій, допуская въ немъ даже важные недостатки, принесетъ плодъ и ему почетное мѣсто въ нашей Историко-Юридической Литературѣ. — На другіе подобные труды, за неявкою ихъ, указать не можемъ, и вполнѣ соглашаемся, что «Исторія нашего Законодательства существуетъ еще во множествѣ въ частяхъ, въ разбросанныхъ отрывкахъ, словомъ — въ возможности; еще духъ Философіи не повѣялъ на этѣ безжизненныя кости исполина, усердно собираемыя на могилахъ нашихъ праотцевъ.» (**) А безъ этого, что̀ положительнаго сказать можемъ, напримѣръ, объ Уставѣ Владиміра о *церковныхъ Судахъ* и о такомъ же Уставѣ Ярослава? Въ первомъ, на примѣръ, говорится о *„десятой* векшѣ отъ всего Княжа суда, о *десятой* недѣлѣ изъ торгу (***), о

(*) См. N 3—4 Телескопа 1835 г. Г. *Мацѣевскій* принимаетъ только два періода въ Ист. Слав. законодательствъ; первый оканчивается въ XIII и XIV в., а второй въ продолженіе XVII и XVIII столѣтій.

(**) См. Предисловіе Г. Издателя къ «Опыту» Рейца.

(***) Такъ сказано въ лѣтописи и объ Андреѣ Боголюбскомъ: »и придаде много имѣнія Владимірскому Храму Успенія, свободы и купленныя съ даньми села лѣт-

пискупіяхъ по Русской землѣ, о чернецахъ, черницахъ, паломникахъ, и проч.; во второмъ пени опредѣляются не только гривнами золота и серебра, но и рублями (*). Вѣрить ли всему этому? Исторіографъ Карамзинъ огласилъ эти Уставы рѣшительно *подложными*; (**) но Критика должна произвесть новое слѣдствіе: безъ того окончательнаго приговора сдѣлать не возможно. .... Замѣтимъ здѣсь кстати, что и наша *Кормчая книга*, подъ формою *Номоканона* долго дѣйствовавшая на умъ и сердце Русскихъ, ждетъ ученаго изслѣдователя, который бы достойно могъ замѣнить покойнаго Барона *Розенкампфа* и достойно продолжать прекрасный трудъ его (***), предпринятый по желанію незабвеннаго Русскаго Мецената — Графа Румянцова.

4. *Древности*. И эта важная вспомогательная для Исторіи наука, выясняющая всѣ стороны жизни

шіи, и *десятину* въ стадѣхъ своихъ, и торгъ *десятый*.» Кенигсб. сп. 234.

(*) См. *Истор. Русск. Нар.* Т. I, Прил. X и XI.

(**) И Г. Р. I, 238, II, стр. 64 и Прим. 108. Патр. *Фотій* не могъ дать Владиміру перваго Митрополита: Фотій умеръ за 90 лѣтъ до сего В. Князя (Карам). однакожъ См. Кормч. Кн. Бар. Розенкампфа, стр. 212. см. также рѣчь Г. Крылова, о которомъ мы упоминали выше. Къ доказательствамъ Исторіографа нельзя ли прибавить еще одно: откуда взялись въ нашихъ уставахъ *десятины*, о которыхъ въ Исторіи Греческой Іерархіи, кажется нѣтъ и помину? Самыя слова *пискупъ*, *пискупія* едвали зашли къ намъ изъ Византіи и едвали при Владимірѣ.

(***) Обозрѣніе Кормчей Книги въ Историческомъ видѣ. Соч. Бар. Розенкампфа. Издано Общ. Ист. и Древн. Россійскихъ. М—ва 1829.

народа, прошедшей и настоящей, не во всѣхъ своихъ частяхъ удовлетворительно обработана. — Важность въ отношеніи къ Исторіи познанія и ученаго разсмотрѣнія нашихъ простонародныхъ обрядовъ и праздниковъ понимали *Шлецеръ*, *Карамзинъ*, *Митр. Евгеній*; Гг. *Глаголевъ*, *Макаровъ*, *Сахаровъ* представили даже нѣкоторые критическіе опыты въ этомъ родѣ, накопецъ ученый издатель любопытнаго и важнаго сочиненія: «Русскіе въ своихъ пословицахъ", И. М. *Снегиревъ*, посвятившій много лѣтъ на собираніе матеріаловъ о Русскихъ суевѣрныхъ праздникахъ и обрядахъ, въ 1837 году приступилъ къ изданію полной Русской геортологіи (праздникословія). Любители и знатоки отечественныхъ Древностей уже отдали должную хвалу труду почтеннаго Автора.

Г. *Кеппенъ* давно порадовалъ насъ обѣщаніемъ — выдать сочиненіе о названіяхъ рѣкъ, которое можетъ служить къ поясненію Исторіи переселенія народовъ (*). Сочиненіе еще не вышло; но мысль свою Г. Кеппенъ не втунѣ высказалъ: наши ученые принялись за нее дѣятельно, — и Г. Надеждинъ представилъ уже прекрасный „Опытъ Исторической Географіи Русскаго міра" (**). Кромѣ географическихъ слѣдовъ бытія народовъ, на неизмѣримомъ пространствѣ Русскаго Царства есть другіе, также ясные, также глубоко протоптанные слѣды племенъ, можетъ быть уже давно исчезнувшихъ. Это *курганы* или вообще насыпи, извѣстные подъ разными именами. Важность

(*) Списокъ Русскимъ Памятникамъ П. Кеппена. М—ва. 1822.

(**) *Библ. для чтенія.* 1837 Іюнь.

ихъ для Исторіи очевидна; потому не только частные люди, но само правительство обратило на нихъ вниманіе, и ученый *Ходаковскій*, какъ извѣстно, былъ *выборнымъ* отъ него человѣкомъ для антикварнаго путешествія по Россіи въ 1820 и 1821 годахъ. Эти памятники — *Сопки, курганы, Скиѳскія могилы* (*) принадлежатъ разнымъ временамъ и разнымъ народамъ, въ безчисленномъ множествѣ разсѣяны какъ по Европейской Россіи, такъ и по Азіятской.— Такимъ образомъ и земля Русская и воды Русскія представляютъ намъ обильные матеріалы для работъ археологическихъ. Кромѣ *Ходаковскаго*, этимъ предметомъ занимались у насъ многіе. — *Гер. Фридр. Миллеръ*, *Штраленбергъ*, *Палласъ*, *Гилденштедтъ*. *Георги*, *Зуевъ*, *Бакмейстеръ*, *Бларамбергъ*, *Ледебуръ*, *Шереръ* и другіе ученые даютъ столько важныхъ матеріаловъ, что можно, кажется, приступить къ совокупленію ихъ въ цѣлое, въ систему, чего ожидаемъ отъ Г. Кеппена, который посвятилъ себя изученію Отечественныхъ Древностей исключительно. — Много также любопытныхъ статей по этому предмету находится въ періодическихъ изданіяхъ: въ Сынѣ Отечества, въ Истор., Стат. и Геогр. Журналѣ, въ Журн. Мин. Вн. Дѣлъ, и проч.— Кромѣ того много сочиненій по части Древностей на-

---

(*) См. въ *Bulletin Scientif.* нашей Академіи Наукъ, т. 1, N. 18, статью Г. Кеппена: *Ueber Tumuli in Russland.*— Auch ist es warscheinlich — замѣчаетъ почтенный авторъ dass das Wort mogila, oder mohilca arabischen Ursprungs ist .. Ihren Namen haben die Kurgane vom Tatarischen *gür*, *kür* oder *kyr* (Anhöhe, Hugel, Grab) und *Chane* (Hans), was also zusammen so viel als Grabshans bedeutet.

ходится еще въ рукописяхъ, хранящихся въ Библіотекахъ публичныхъ и частныхъ (*).

Чтò сказать о другихъ вспомогательныхъ Историческихъ Наукахъ? *Нумизматика* есть еще такая Наука, которая ожидаетъ творца. У *Щербатова*, *Шлецера*, въ Опытѣ повѣствованія о Древностяхъ, въ Исторіи Госуд. Россійскаго находимъ только матеріялы, болѣе или менѣе пригодные для дальнѣйшихъ Нумизматическихъ изслѣдованій; но труды Проф. *Каченовскаго*, Бар. *Шодуара*, Г. *Черткова*, проливаютъ новый яркій свѣтъ на монетное дѣло въ нашемъ Отечествѣ. Ожидая важныхъ пособій отъ Археографической Коммиссіи, можемъ надѣяться, что Нумизматическія наши свѣдѣнія, теперь бѣдныя, отрывочныя, скоро сольются въ стройную систему — въ Науку (**). — *Дипломатика*, *Палеографія* и другія вспомогательныя знанія — необходимыя пособія для отличенія подложныхъ документовъ отъ достовѣрныхъ, — у насъ находятся еще въ младенчествѣ. — Скоро ли явятся у насъ свои, *Русскіе* Монфоконы?....

Вотъ какъ шла Историческая Наука въ Россіи! — Значительная часть важнѣйшихъ вопросовъ подвергнута строгому испытанію и рѣшена окончательно;

(*) См. Кеппена Ueber Tumuli in Russland. — Въ отношеніи къ нашимъ Древностямъ очень важенъ также систематическій »Очеркъ Русской Старины« Г. *Устрялова*. См. его Ист. Ч. II.

(**) *Примѣчаніе*. Въ граммагѣ Свят. Ольговича 1137 г. упоминается »*полъгривны Волжскаіа*“ См. *Кормч. Кн.* Бар. Розенкампфа, стр. 218. Замѣчено ли это нашими Нумизматами? — Еще замѣтка. Св. Алексій пишетъ: »Черкизово сельцо куплено на мое *серебрецо*.« И. Г. Р. изд. I. V, пр. 397.

еще бо́льшая занимаетъ современную дѣятельность умовъ Русскихъ, которые сталкиваясь и жарко споря между собою, доказываютъ убѣдительно, что благопріятное время настало для нашей Исторіи. И дѣйствительно благопріятное! Правительство наше, всегда первое на пути Науки и образованія, теперь особенное обратило вниманіе на древніе письменные памятники отечественнаго Дѣеписанія. По волѣ МОНАРХА на́ всѣхъ концахъ неизмѣримой Его Державы разбираютъ государственные и частные архивы и библіотеки; Императорское Общество Исторіи и Древностей при Московскомъ Университетѣ видимо приближается къ своей цѣли; ревностно издавая лѣтописи, драгоцѣнныя по содержанію, Комиссія печатанія Государственныхъ граммать и договоровъ, свято исполняя завѣтъ незабвеннаго Графа Румянцова, вскорѣ можетъ быть, обрадуетъ насъ изданіемъ новыхъ приготовленыхъ работъ своихъ; Министерство Народнаго Просвѣщенія напечатало четыре тома Актовъ, собранныхъ Археографическою Экспедиціею; Археографическая Коммиссія составила планъ обширный, ревностно приступила къ работамъ.... Кто же умными очами просмотритъ *книги ветшаны*, въ которыхъ хранится и „велико стыдѣнье" предковъ нашихъ, и мудрость православныхъ Царей, которые „трудомъ своимъ великимъ" хранили Русскую землю? Кто „начнетъ Повѣстъ сію" и кто „числа положитъ?" ...

Ярославль.

1838 г. 22 Ноября.

ПОЛОЖЕНІЯ.

I.

Русскіе послѣ другихъ Европейцевъ начинаютъ *критически* обрабатывать свою Исторію; но лѣтописи наши, писанныя на *родномъ* языкѣ, и *непрерывно* продолжающіяся отъ XI до XVII вѣка, составляютъ такое сокровище, какимъ немногіе изъ Европейцевъ могутъ похвалиться.

II.

Достовѣрность Несторовой лѣтописи, служащей почти единственнымъ домашнимъ источникомъ Русской Исторіи до начала XII вѣка, *не подлежитъ сомнѣнію*.

III.

Историческая *критика* начинается у насъ съ *Байера*, который собственнымъ примѣромъ указалъ: гдѣ искать источниковъ и какъ ими пользоваться.

IV.

Миллеръ не имѣлъ способности Критика (былъ довѣрчивъ); но обратив вниманіе на важнѣйшія статьи нашей Исторіи, по возможности обработалъ ихъ, и указавъ на новые источники, открылъ своимъ преемникамъ обширное поприще для работъ историческихъ.

V.

Шлецеръ ознакомилъ насъ съ правилами Исторической Критики, но только *низшей*; пріучалъ и научалъ издавать и объяснять лѣтописи (и вообще письменные Историческіе наши памятники); но онъ же надолго далъ уму Русскихъ одностороннее направленіе, т. е. задержалъ насъ въ ходѣ Историческихъ изслѣдованій.

VI.

Вопросъ о *происхожденіи Руси*, различно рѣшаемый, но еще нерѣшенный, требуетъ новыхъ изысканій: безъ того спорамъ прекратиться невозможно. — Положеніе *Байера* поддерживаютъ въ наше время преимущественно *Кругъ* и *Френъ*. Ломоносовское мнѣніе о *Славянизмѣ* Варяговъ и Руссовъ примѣтно усиливается: *большинство* голосовъ на его сторонѣ.

VII.

Договоры Олега и Игоря *можно* почитать *дѣйствительными.* Сомнѣнія Шлецера касательно ихъ Хронологіи уничтожилъ *Кругъ.* Другія сомнѣнія *Шлецера* также естественно уничтожаются, особенно послѣ новѣйшихъ изслѣдованій *Эверса.*

VIII.

Русскую Правду удовлетворительно объяснилъ *Эверсъ.*

IX.

Исторія Государства Россійскаго Карамзина есть неоцѣненная сокровищница историческихъ матеріяловъ, до него или недоступныхъ, или (большею частію) неизвѣстныхъ; но въ *критическомъ* отношеніи она имѣетъ ощутительные недостатки.

X.

Вспомогательными Историческими Науками у насъ стали заниматься очень недавно; не смотря на то, нѣкоторыя изъ нихъ обработаны удовлетворительно, но только по частямъ, въ отрывкахъ.

XI.

Наше время по преимуществу есть *Историческое* время. Доказательство — въ дѣятельности умовъ, направленной къ изслѣдованію Русской жизни во всѣхъ многоразличныхъ ея проявленіяхъ.
